

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

10.1

3 выпуска в год на 17 языках

Разговор о социологии:
Ракель Варела

Кристине Шикерт

IV Форум МСА
в Порту-Алегри

Джеффри Плейерс, Жакоб Карлос Лима,
Эрмилию Сантос, Андре Салата, Эмиль Соботтка,
Веридиана Домингос Кордейру,
Густаву Конди Маргаритес,
Приссила Сусин, Рикарду Кальдас Кавальканти,
Лукас Перейра Ван Дер Маас,
Изабель Виейра

Социальная политика
в европейских
странах

Мария Петмесиду, Ана Гильен,
Эммануэле Паволини, Дэниел Клегг,
Роланд Атцмюллер, Сигита Доблытё,
Ароа Техеро, Зильке ван Дайк,
Тине Хаубнер, Беатриче Карелла

Проблемы
цифровизации

Паола Тубаро, Левио Скаттолини,
Феликс Зюльманн-Фауль, Сруджана Катта,
Келли Хоусон, Марк Грэм

Теоретические
перспективы

Донателла делла Порта

Вспоминая
Самира Амина и
Иммануила Валлерстайна

Вишвас Сатгар
Сари Ханафи, Стефан Дюфуа,
Франк Вельц, Ананд Кумар

Открытый раздел

- > Караван мигрантов как стратегия мобильности
- > Буффало, штат Нью-Йорк: хорошая практика переселения мигрантов

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 10 / ВЫПУСК 1 / АПРЕЛЬ 2020
<http://globaldialogue.isa-sociology.org/>

ГД

> От редакторов

В настоящем номере в своём интервью историк труда Ракель Варела вспоминает о Революции гвоздик, произошедшей в апреле 1974 года в Португалии. Она размышляет о том, почему важно рассказывать миру о событиях «из перспективы снизу», принимая во внимание позицию трудящихся и их вклад в исторический процесс, а также рассматривает долговременные последствия революции в социально-экономической жизни Португалии.

В июле 2020 года социологи и социальные учёные со всего мира примут участие в IV Социологическом Форуме МСА в Порту-Алегри (Бразилия), чтобы обсудить свои исследования и представления о социальных трансформациях в свете четырёх основных проблем XXI века: демократии, окружающей среды, неравенства и ин-терсекциональности. В своей статье президент Форума Джеффри Плейерс подчеркивает важность взаимосвязанного анализа этих векторов развития общества. Якоб Карлос Лима, президент Бразильского социологического общества, предлагает краткий очерк истории Общества и призывает к поддержке и солидарности социологического сообщества перед лицом недавних политических событий в стране и связанной с ними общественной борьбы. Статьи Эрмилию Сантоса, Андре Салаты и Эмиля Соботтки из Местного организационного комитета Форума (МОК), а также шести молодых бразильских учёных дают представление об истории Бразилии и бразильской социологии.

Систематическое разрушение европейских государств всеобщего благосостояния в последние годы приводит к возникновению новых форм социальной политики, бросающих вызов не только различным странам в конкретных областях, но и социальному фундаменту Европы и Европейского союза. Наша первая подборка статей посвящена именно этой проблематике. В ней представлены исследования, посвящённые текущим траекториям развития и проблемам, с которыми сталкиваются некоторые европейские страны в сфере социальной политики.

Вторая группа статей поднимает одну из главных проблем нашего времени – цифровизацию общества и представляет анализ её влияния на трудовые ресурсы, финансовые рынки и устойчивое развитие. Также рассматривается вопрос о том, как исследования могут способствовать поддержанию или созданию прав работников и справедливых условий труда в сфере цифровой экономики.

В своей статье Донателла дела Порта выявляет проблемы, существующие в сфере исследования общественных движений. С её точки зрения, продолжающиеся протесты во всём мире привносят новые вопросы в повестку дня и требуют новых способов их анализа. Она утверждает, что капитализм и класс как аналитические категории возвращаются в исследования общественных движений.

Совсем недавно от нас навсегда ушли два ведущих социолога и политолога – Самир Амин (1931–2018) и Иммануил Валлерстайн (1930–2019). Стратегическая концепция отсоединения и критика евроцентризма, которую развивает Амин, повлияли на марксистов и социологов во всём мире. Своим представлением о мир-системном анализе Валлерстайн глубоко обогатил социологическую теорию. Будучи ещё президентом МСА, он установил традицию плодотворного взаимообмена между старыми и новыми членами ассоциации, которая актуальна и по сей день. Коллеги и друзья этих двух выдающихся членов нашего сообщества помнят и чтят их работу и жизнь.

Две статьи, представленные в Открытом разделе, посвящены миграции в Соединенные Штаты: Вероника Монте рассматривает так называемый «караван мигрантов» как стратегический выбор людей, желающих мигрировать из Латинской Америки на север. Айшегюль Балта Эзген знакомит нас с проблемами и преимуществами, связанными с переселением беженцев для среднего американского города, такого как Буффало, штат Нью-Йорк. ■

Бригитте Ауленбахер и Клаус Дёрре,
редакторы «Глобального диалога»

> «Глобальный диалог» доступен на 17 языках на [сайте МСА](#).

> Присылайте статьи на адрес globaldialogue.isa@gmail.com.

isa International
Sociological
Association

**GLOBAL
DIALOGUE**

> Редакторский совет

Редакторы: Бригитте Ауленбахер, Клаус Дёрре.

Заместители редакторов: Йоханна Грубнер, Кристина Шикерт.

Младший редактор: Апарна Сундар.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Консультант: Майкл Буравой.

Медиаконсультант: Хуан Лехаррага.

Редакторы-консультанты:

Сари Ханафи, Джеффри Плейерс, Филомин Гутьеррес, Элоиза Мартин, Савако Ширахасэ, Изабела Барлинска, Това Бенски, Чи-Чжоу Джей Чэнь, Ян Фритц, Коичи Хасэгава, Хироши Ишида, Грэйс Кхуноу, Эллисон Локонто, Сьюзен МакДэниел, Элина Оинас, Лаура Озо Казас, Бандана Пуркаяста, Рода Реддок, Мунир Сайдани, Айше Сактанбер, Сели Скалон, Назанин Шахрокни.

Региональные редакторы

Арабский мир: (Тунис) Мунир Сайдани, Фатима Разуани, Хабиб Хадж Салем; (Алжир) Сурайя Мулуджи Гарруджи; (Марокко) Абдельхади Аль-Хальхули, Саида Зине; (Ливан) Сари Ханафи.

Аргентина: Алехандра Отаменди, Хуан Игнасио Пиовани, Пилар Пи Пуиг, Мартин Ди Марко, Мартин Уртасун.

Бангладеш: Хабибуль Хаке Хондкер, Хасан Махмуд, У. С. Рокья Ахтер, Джуель Рана, Туфика Султана, Асиф Бин Али, Хайрун Нахар, Кази Фадия Эша, Мухаймин Чаудхури, Хелаль Уддин, Мухаммед Юнус Али, Мостафизур Рахман, Джхилик Саха, Мария Сардар, Тахмид Уль Ислам.

Бразилия: Густаво Танигути, Анжело Мартинс Жуниор, Лукас Амараль Оливейра, Андреса Гальи, Дмитри Сербонсини Фернандес, Густаво Диас.

Индия: Рашми Джайн, Нидхи Бансал, Прагья Шарма, Маниш Ядав, Сандип Мил.

Индонезия: Каманто Сунарто, Хари Нугрохо, Лучия Ратих Кусумадеви, Фина Итрия, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохаммад Шохибуддин, Домингус Эльчид Ли, Антониус Арио Сето Харджана, Диана Тереза Пакаси, Нуруль Айни, Гегер Риянто, Адитья Прадана Сетиади.

Иран: Ниайеш Долати, Аббас Шахраби, Сайед Мухаммад Муталлеби, Фаззех Хаджезде.

Казахстан: Айгуль Забирова, Баян Смагамбет, Адиль Родионов, Алмаш Тлеспаева, Куаныш Тель, Алмагуль Мусина, Акнур Иманкул.

Польша: Адам Мюллер, Джонатан Сковил, Александра Бернацкая, Якуб Барщевский, Александра Вагнер, Сара Герчиньская, Моника Хеляк, Александра Сенн, Вероника Пек, Анна Вандзель, Зофия Пенза-Габлер, Юстына Кошиньская, Ивона Бояджиева.

Россия: Елена Здравомыслова, Анастасия Даур, Валентина Исаева.

Румыния: Ралука Попеску, Раиса-Габриэла Замфиреску, Диана Александра Думитреску, Юлиан Габор, Бьянка Михэйла, Александра Мосор, Мьоара Параскив, Мария Стойческу.

Тайвань: Вань-Цзюй Ли, Бун-Ки Лин, Тао-Юн Люй, По-Сун Хун, Юй-Минь Хуан.

Турция: Гюль Чорбаджогу, Ирмак Эврэн.

Франция/Испания: Лола Бусуттил.

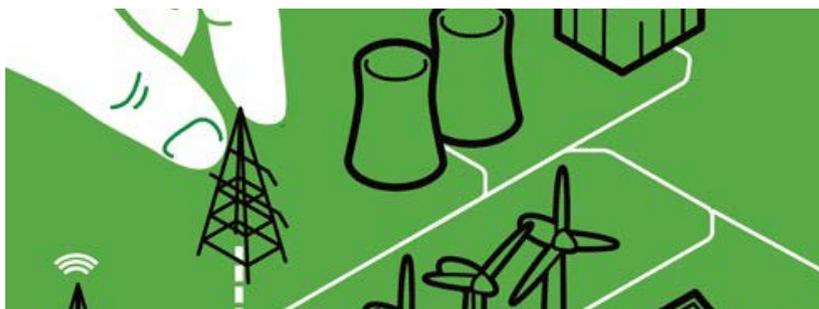
Япония: Сатоми Ямамото.

IV социологический форум МСА состоится в июле 2020 года в Порту-Алегри (Бразилия). Его президент, Джеффри Плейерс, вместе с Якобом Карлосом Лимой, президентом Бразильского общества социологов, членами ЛОК и молодыми социологами обсуждают состояние бразильской социологии сегодня.

В связи с систематическим разрушением системы социальной защиты европейских государств **социальная политика европейских стран** является крайне актуальной тематикой социологических исследований и политических действий. Статьи этого раздела представляют исследования, посвященные траекториям развития социальных государств и тем проблемам, с которыми они сталкиваются.

Цифровизация существенно образом меняет современное общество. Статьи этого раздела рассматривают влияние цифровизации на труд, финансовые рынки и устойчивое развитие. В них социологи обсуждают, как исследования могут помочь сохранению прав трудящихся или формированию достойных условий труда в экономике цифровых платформ.

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту SAGE Publications.

> В номере

От редакторов 2

> РАЗГОВОР О СОЦИОЛОГИИ

Наследие Португальской революции
Интервью с Ракель Варелой
Кристине Шикерт, Германия 5

> IV СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ МСА В ПОРТУ-АЛЕГРИ

Взаимосвязанные проблемы XXI века
Джеффри Плейерс, Бельгия 8

Бразильское социологическое общество
приветствует Форум МСА
Жакоб Карлос Лима, Бразилия 11

Бразильская социология: краткая оценка
**Эрмилию Сантос, Андре Салата,
Эмиль Сobotка, Бразилия** 13

Нарративы институционализованного детства
Веридиана Домингос Кордейру, Бразилия 15

Социальная помощь как сфера
социальной политики Бразилии
Густаву Конди Маргаритес, Бразилия 17

Борьба женщин за городское жилье в Порту-Алегри
Приссила Сусин, Бразилия 18

Неформальное управление насилием в Ресифи
Рикарду Кальдас Кавальканти, Бразилия 20

Профессиональные неравенства в Бразилии
Лукас Перейра Ван Дер Маас, Бразилия 22

Траектории среднего класса в Рио-де-Жанейро
Изабель Виейра, Бразилия 24

> СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Политика затягивания поясов: риски для системы
всеобщего медицинского обслуживания
**Мария Петмесиду, Греция, Ана Гильен, Испания,
Эммануэле Паволини, Италия** 26

Пособия по безработице в новую эру случайных заработков
Дэниел Клегг, Великобритания 28

Субъективация социальной политики,
поляризация общества
Роланд Атцмюллер, Австрия 30

Поддержка семейной политики в Южной Европе
Сигита Добльте, Ароа Техеро, Испания 32

Волонтерство в Германии: труд на благо общества
или теневая экономика?
Зильке ван Дайк, Тине Хаубнер, Германия 34

Сохранит ли ЕС своё социальное основание?
Беатриче Карела, Италия 36

> ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Искусственный интеллект: чей он на самом деле?
Паола Тубаро, Франция 38

Музей великих новшеств
Левии Скаттолини, Бразилия 40

Что необходимо для устойчивой цифровизации общества?
Феликс Зюльманн-Фауль, Германия 42

Фонд достойной работы: акционистское исследование
экономики свободного заработка
**Сруджана Катта, Келли Хоусон, Марк Грэм,
Великобритания** 44

> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Капитализм, класс, борьба
Донателла дела Порта, Италия 47

> НЕКРОЛОГ

Дань уважения введшему марксисту Африки
Самиру Амину
Вишвас Сатгар, ЮАР 51

И. Валлерстайн: выдающийся социолог и интеллектуал
Сари Ханафи, Ливан, Стефан Дюфуа, Франция 53

И. Валлерстайн: интегрируя социологию по-новому
Франк Вельц, Австрия, Ананд Кумар, Индия 55

> ОТКРЫТЫЙ РАЗДЕЛ

Караван мигрантов как стратегия мобильности
в Центральной Америке
Вероника Монтез, США 56

Буффало, штат Нью-Йорк: хорошая практика
переселения мигрантов
Айшегюль Балта Эзген, США 58

“ Добро пожаловать на Форум! Мы рассчитываем на вас в этой борьбе за свободу, демократию и социальную справедливость! Без свободы социология невозможна ”

Жакоб Карлос Лима

> Наследие Португальской революции

Интервью с Ракель Варелой

Ракель Варела. Фото: Veríssimo Dias.

Ракель Варела – историк из Нового университета Лиссабона (Universidade NOVA de Lisboa) в Португалии. Её работа посвящена истории труда, государству всеобщего благосостояния, истории Португалии и Европы в двадцатом веке, а также истории общественных движений. Она является соучредителем *Network for Global Labor Studies* [Сети глобальных исследований труда] и президентом *International Association Strikes and Social Conflicts* [Международной ассоциации изучения забастовок и социальных конфликтов].

В своей книге *A People's History of the Portuguese Revolution* [Народная история португальской революции] (2018) Варела рассказывает об истории Португальской революции гвоздик 1974 года из перспективы снизу. С этой целью она исследует роль антиколониального движения в Африке, а также роль португальских рабочих, женщин и художников в этом процессе.

В настоящем выпуске приводится интервью Ракель Варелы с **Кристиной Шикерт**, административным директором Исследовательской группы DFG по обществам пост-роста (DFG Research Group on Post-Growth Societies) в Йенском университете им. Фридриха Шиллера (Германия), и помощником редактора журнала «Глобальный диалог».

КШ: 46 лет назад, в апреле 1974 года, диктатура в Португалии закончилась военным переворотом. Непосредственной причиной переворота стало недовольство военных войной, которую Португалия вела в своих колониях. Не могли бы вы рассказать нам о ситуации в португальских колониях в Африке во время войны? Почему военные разочаровались в политическом руководстве?

РВ: В то время Португалия была крайне отсталой страной. Это была последняя из старых империй и хроническая империя, которая в течение тринадцати лет жестоко боролась с антиколониальными революциями в страшной колониальной войне, мобилизовавшей более одного миллиона молодых людей в период между 1961 и 1974 годами. Только в 1974 году на войну были мобилизованы

>>

150 000 человек. Поражение в колониальной войне произошло главным образом из-за освободительного движения, в частности в Гвинее-Бисау, где его возглавлял великий, но забытый марксист – Амилькар Кабрал.

Мощное освободительное движение и затянувшиеся боевые действия сделали очевидным для некоторых армейских чиновников (главным образом, офицеров среднего звена, а не генералов и солдат), что война не может продолжаться и что для её прекращения необходимо политическое решение. 25 апреля 1974 года эти военные организовали государственный переворот. Им руководил Отело Сарайва де Карвало. Они свергли режим и диктатора Марчелло Каэтано, но сказали людям оставаться дома. Но люди не послушали и вышли на улицы.

Что делает революцию в колониях особенно интересной, так это то, что впервые произошло то, что предсказал Третий Интернационал: беспорядки распространились из колоний в центр, в метрополию. После 1975 года волна общественного протеста вернулась туда, откуда началась, – в колонию. Освобождение от диктатуры началось с кровавой войны в колониях, а затем превратилось в протест на улицах Лиссабона. Это были 19 месяцев самой радикальной революции в послевоенную эпоху в Европе, и это была последняя революция в послевоенный период, гораздо более радикальная, чем в мае 1968 года, и последняя революция, поставившая под вопрос частную собственность.

КШ: Позвольте мне сначала остановиться на том моменте, когда военные приказали людям оставаться дома, но они этого не сделали. Можете ли вы подробнее рассказать об этом и о положении людей в то время? Почему они присоединились к армии во время этой революции?

РВ: В течение 48 лет Португалия была диктатурой и одной из самых отсталых стран Европы. Между 1961 и 1974 годами в колониальной войне на трёх фронтах было мобилизовано более миллиона человек. В пропорциональном отношении война с колониями убила больше португальцев, чем американских солдат во Вьетнаме. Чтобы избежать войны и бедности, многие люди эмигрировали, прежде всего, в другие европейские страны. Около 1,5 миллиона человек покинули страну с 1960 года. В Португалии был один из самых высоких показателей детской смертности, а мужья по закону имели право вскрывать переписку своих жён.

Население Португалии было 9,5 миллионов человек. 1 мая 1974 года, неделю спустя после 25 апреля, два миллиона человек вышли на празднование Первого мая, требуя не только демократических перемен, таких, как конец диктатуры, но и высказывая революционные социальные требования, такие как минимальная заработная плата, выходные в субботу и воскресенье, оплата ночных смен, или равная заработная плата для мужчин и женщин. Во время португальской революции три миллиона человек принимали участие в работе рабочих, районных, городских или студенческих советов. Это была революция, которая произошла не только в производственном

секторе, наиболее важном и возглавлявшем процесс. К ней также присоединились работники всех секторов экономики, например, работники государственной службы. Таким образом, больницы были захвачены советами врачей, школы – советами учителей. Революция гвоздик была поздней революцией двадцатого века, поэтому в Португалии уже был развит сектор услуг, в котором работало большое количество людей, и все они также приняли участие в протесте.

КШ: Позвольте мне перейти ко второму Вашему замечанию: Вы сказали, что Португальская революция была последней, поднявшей вопросы частной собственности...

РВ: Были захвачены шестьсот частных компаний, которые стали либо самоуправляемыми, либо кооперативами в той или иной форме. В крупных компаниях были введены процессы контроля, осуществляемые рабочими, а банки были национализированы и экспроприированы без какой-либо компенсации банковскому сектору. Через несколько месяцев после экспроприации буржуазия фактически покинула страну и бежала в Бразилию. С моей точки зрения, хотя это контрфактивный анализ (в истории мы не говорим «если» – это противоречит фактам), это привело к тому, что на десять лет было отложено введение неолиберальной политики. Неолиберальная политика не была введена после революции, потому что американский президент, в то время Джеральд Форд, и его администрация действительно опасались того, что Португалия может стать началом красного Средиземноморья. Итак, Португальская революция показывает, что экономический кризис, как и отмечал Маркс, не обязательно является катастрофой для рабочего класса, но может использоваться им для трансформации в политический кризис государства и борьбу против правящих классов.

КШ: Вы назвали свою книгу A People's History of the Portuguese Revolution [Народная история португальской революции]. Что послужило толчком для этого? Почему Вы хотели рассказать это именно так?

РВ: Очевидно, что я опираюсь на методологию «истории из перспективы снизу» и социальную историю Великобритании 1960-х годов. На меня также прямое влияние оказал Говард Зинн, американский историк и социалистический мыслитель. Я считаю, что мы должны вести хронику истории сопротивления людей, которые сражаются, людей, которые борются. Поэтому нам нужно включить в историю не только историю институтов и правительств, но и историю людей, анонимных масс, историю сопротивления трудящихся. Эта существенная часть истории необходима для всестороннего понимания происходящего. Поскольку рабочий класс часто не представляет, что он может сделать, важно написать историю людей, их действий и показать эти особые моменты истории, когда рабочий класс чрезвычайно силен, он меняет мир и меняется сам. Мы говорим о стране, которая до 1974 года была в течение 48 лет самой отсталой страной в Европе и в течение следующих 25 лет стала двенадцатой страной с самой лучшей национальной системой здравоохране-

>>

ния в мире. Это стало возможно только благодаря мощной коллективной силе.

Что также очень интересно в Португальской революции, так это то, что впервые сталинский подход был поставлен под сомнение левыми. Майское движение 1968 года уже подвергло сомнению гегемонию сталинистов на крупных заводах во Франции, но во время португальской революции вопрос был сформулирован ещё более остро. Так называемые крайние левые, или левые Коммунистической партии, обладали огромной властью в руководстве борьбой, рабочими комиссиями, в крупных профсоюзах, как в промышленности, так и в сфере услуг.

КШ: *Давайте поговорим о наследии Португальской революции. Проблематика отношений собственности и реорганизации компаний всё ещё актуальна для современного политического ландшафта, будь то на уровне движений или партий? И каким-то образом это связано с тем, как Португалия справилась с последствиями финансового кризиса/долга после 2008 года?*

РВ: Одно из последних изменений в отношениях собственности, которое произошло до наступления эпохи пост-тройки, было связано с жильём и с контролируемыеми ценами. Одним из требований Международного ва-

лютного фонда и Германии/ЕС при проведении переговоров по Программе экономической корректировки для Португалии во время португальского финансового кризиса (2010–2014 годы) была либерализация рынка жилья, что имеет разрушительные последствия для трудящихся классов (бедного и среднего). Самым продолжительным эффектом революции было противостояние крайне правых, которое продолжается до сих пор.

КШ: *Да, это другой момент, который меня поражает: после финансового кризиса 2008 года в Португалии, в отличие от других европейских стран, не сформировалась сильная правая партия. Не могли бы вы объяснить, как это связано с Революцией гвоздик?*

РВ: Определённо это следствие революции. Революция была не только переходом к демократии, но также привела к чисткам в государственном аппарате и вывела правое руководство из государственного аппарата. Произошёл очевидный разрыв с этим руководством. В Португалии нет культуры и *savoir faire* крайне правых. Конечно, всё может измениться, но до тех пор, пока поколение революции ещё живо, я не верю, что возможен приход к власти крайне правых. Конечно, это не означает, что мы знаем, что произойдёт через десять лет. ■

Адрес для связи: Ракель Варела <raquel_cardeira_varela@yahoo.co.uk>

> Взаимосвязанные проблемы

XXI века

Джеффри Плейерс, Католический университет Лувена (Бельгия), президент IV Социологического Форума МСА и вице-президент МСА по исследованиям (2018-22), бывший президент ИК МСА по социальным классам и социальным движениям (ИК47), член ИК МСА по социологии религии (ИК22), социологии молодёжи (ИК34) и общественным движениям, коллективным действиям и социальным изменениям (ИК48)

В январе 2001 года 20 000 активистов и публичных интеллектуалов со всех континентов собрались в Порту-Алегри на первый Всемирный социальный форум. Их объединила надежда на то, что XXI век будет более демократичным, а международная солидарность и глобальная борьба смогут направить глобализацию к развитию более справедливого и равноправного мира.

Спустя почти два десятилетия, в июле 2020 года, 5000 социальных учёных со всех континентов примут участие в Социологическом форуме МСА, который состоится там же, в Порту-Алегри, чтобы проанализировать социальные трансформации и поделиться опытом исследований, а также взглядами на четыре основные проблемы нашего столетия и то, как социальные науки могут способствовать их решению. Контекст и общее настроение на этот раз будут совсем другими, поскольку оптимизм тысячелетия угас, а проблемы, с которыми мы сталкиваемся сейчас, живя на планете с ограниченными ресурсами, становятся всё более актуальными.

За эти два десятилетия, и в особенности за последние пять лет, на первый план выходят четыре главные проблемы: демократия, экологический кризис, социальное неравенство и интерсекциональность.

На рубеже тысячелетий расширение и углубление демократии воспринималось как должное. Цветные революции и Арабская весна 2011 года рассматривались как «четвертая волна демократизации». Однако, несмотря на то, что 2010-е годы начались с беспрецедентного распространения демократических движений на всех континентах, этот процесс завершился приходом к власти нелиберальных лидеров, которые наносят вред демократии, окружающей среде, принципам толерантности, а также экономическому и гендерному равенству. Вместе с этим уходят надежды на более демократичное глобальное управление, способное решать такие глобальные проблемы, как изменение климата, миграция и растущее неравенство. Теперь становится очевидным, что для решения глобальных проблем не-

>>

обходимо пересмотреть принципы демократии в рамках представительной системы и за её пределами.

Последнее десятилетие также характеризуется увеличивающимся разрывом между сверхбогатыми и остальным населением, ростом уровня бедности в так называемых «развитых» странах – как в тех, которые переживают один из самых продолжительных периодов экономического роста (особенно США и Германия), так и тех, чья экономика и благосостояние разрушены программами жёсткой экономии. Во второй половине десятилетия вновь обострились другие проблемы: экологическая катастрофа, гендерное насилие и расизм. В то время как женщины глобального Юга находятся в авангарде защиты демократии и осуждают патриархатные механизмы угнетения, феминистская мобилизация, такая как забастовки 8 марта, #NiUnaMenos и кампания #MeToo, привлекают внимание общественности к сексуальным домогательствам и убийствам женщин в заголовках мировых новостей так же, как и в повседневной жизни и в университетских городках. Тем временем, школьные забастовки подростков обратили внимание на такие ключевые глобальные проблемы, как изменение климата и ущерб, наносимый окружающей среде. Они продвигают целостное видение экологии, которое вдохновлено движениями глобального Юга и требует системных изменений. В последнем докладе Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) приведены пугающие цифры, описывающие климатические изменения в XXI веке, сопровождающиеся массовым вымиранием биологических видов.

> **Взаимосвязанные проблемы**

Общественные движения и социальные науки первых двух десятилетий этого столетия учат нас тому, насколько глубоко переплетены четыре обозначенные проблемы. Усиливающиеся взаимосвязи между демократией, экологическим кризисом, различными проявлениями неравенства и интерсекциональностью обязывают нас пересмотреть и по-иному концептуализировать каждую из этих концепций с позиции взаимозависимости.

Например, принимая во внимание экологический кризис, неравенство и интерсекциональность, мы можем *переосмыслить демократию*. С одной стороны, растёт количество стран, где демократии угрожают нелиберальные лидеры, которые уничтожают её фундаментальные ценности – права человека, разнообразие и равенство в уважительном отношении ко всем гражданам. В таких странах власти поддерживают ускоренное разрушение окружающей среды транснациональными компаниями, усиливаются патриархатные практики, расизм и неравенство. С другой стороны, прогрессивные движения также бросают вызов институциональной демократии, требуя глубоких политических, культурных и социальных изменений на уровнях, для которых наша демократическая система, ориентированная на национальное государство, не вполне подходит. С одной стороны, демократические движения ориентированы на глобальный масштаб борьбы с

глобальным потеплением и разрушением окружающей среды; с другой стороны, предметом их обеспокоенности является сфера интимных отношений и повседневная жизнь: они сопротивляются патриархальной культуре и борются с сексуальным насилием и фемцидом.

Рост *неравенства* является главной угрозой для демократии и состояния окружающей среды. Уровень глобального неравенства достигает такого масштаба, что 1% самых богатых людей и глобальные корпорации обретают наибольшую политическую власть в национальном и глобальном масштабах. Реальность последнего десятилетия далека от демократического идеала «разделения сфер», описанного Майклом Уолцером. Мы наблюдаем, как миллиардеры становятся президентами в ряде стран, а сговор между политической и экономической элитами и власть лоббистов являются ключевыми характеристиками многих современных политических режимов.

Движение за климатическую справедливость и социологические исследования показывают нам, что *изменение климата и разрушение природы* составляют суть фундаментальной социальной проблемы, которую нельзя отделять от глубоких изменений в обществе. Эта проблема коренится в современной глобальной капиталистической системе, в её алчности по отношению к природным ресурсам. В то время как Земля является нашим общим домом, мы по-разному несём ответственность за экологическую катастрофу. Оксфам (Oxfam) подсчитал, что в среднем воздействие 1% самых богатых людей в мире на окружающую среду в 175 раз превышает влияние, оказываемое на неё десятью процентами самых бедных. Интерсекциональный подход к движению за экологическую справедливость демонстрирует нам, что, хотя женщины, меньшинства и менее обеспеченные люди вносят меньший вклад в разрушение планеты, они платят за него гораздо более высокую цену со значительными потерями в ожидаемой продолжительности жизни и увеличением количества климатических беженцев.

Преодоление продолжительных и взаимосвязанных экономической, расовой, колониальной и гендерной дискриминаций и насилия, которое их увековечивает, является ещё одной серьёзной проблемой нашего времени. Чернокожие феминистки, движения коренных народов и социальные учёные по-новому осмысливают взаимосвязанность параметров расы, класса и пола, создающих взаимозависимые системы дискриминации и угнетения. Интерсекциональная перспектива способствует пересмотру проблем демократии, неравенства и экологической справедливости. Современная система представительной демократии демонстрирует ограничения в борьбе с расизмом и патриархальным угнетением. Различные формы неравенства тесно связаны с гендерной и расовой дискриминацией, а также страданиями, порождёнными экологическими катастрофами и глобальным потеплением. Растущее осознание интерсекциональности является одновременно результатом и пусковым механизмом сопротивления субалтерных акторов и движений.

>>

Общины коренных народов, меньшинства, феминистки и мелкие фермеры сопротивляются несправедливости, сочетая практики, социальную борьбу и альтернативное мировоззрение.

Прогрессивные акторы, сосредоточившиеся на социальной политике и экономическом росте, долгое время считали гендерную проблематику вторичной. Сегодня она находится в центре борьбы за глобальную демократию. В 2020 году цветные женщины и представители меньшинств становятся первыми жертвами нелиберальных и авторитарных режимов. Они также оказываются в авангарде защиты и переосмысления демократии в XXI веке. Они прокладывают путь миру, в котором intersубъективные отношения, сострадание, солидарность и забота (о себе, о других людях и о природе) изменяют наш опыт и наше понимание совместной жизни на планете с ограниченными ресурсами.

Однако было бы неправильно ассоциировать угнетённых акторов исключительно с движением в защиту экологии. Исследования Арли Хохшильд, проведенные в штате Луизиана, пострадавшем от экологической катастрофы, показывают, что жертвы могут стать политической базой для обновления реакционных и расистских позиций, которые представляют прямую угрозу демократической системе и окружающей среде. Это напоминает нам о глубокой связи между решением экологических проблем и будущим наших демократий.

Рассмотрение этих четырёх проблем во взаимосвязи демонстрирует нам, как глубоко они укоренены во властных отношениях, социальной структуре, а также в современной культуре, субъективностях, мировоззрениях и социальных науках. Становится очевидным, что невозможно рассматривать эти социальные проблемы как автономные, представляющие отраслевую проблему или изолированную область исследований. Невозможно решить одну из этих проблем, не взявшись за остальные

три. Вместе они обозначают координаты того, что латиноамериканские ученые назвали «цивилизационным кризисом».

> Форум МСА 2020: возможность обсудить результаты социологического анализа

Форум МСА 2020 года даст возможность представить результаты исследования этих четырёх глобальных проблем и их взаимосвязей глобальной аудитории. Мы приглашаем также обсудить эпистемологические вопросы, которые они затрагивают; наши отношения с акторами, которые сталкиваются с этими проблемами, и вклад социологии в их решение. Как наша дисциплина трансформируется под влиянием этих проблем и акторов, которые из них выросли? Как рассмотрение акторов в качестве производителей знания побуждает нас применять новые эпистемологии? Каким образом инновационный социологический анализ может помочь понять и решить наши общие проблемы в глобальную эпоху? Каковы основные препятствия, с которыми мы сталкиваемся при решении этих проблем? Каким образом переосмысляются концепции демократии, экологии, равенства и интерсекциональности с учётом недавнего опыта активности и актуализации проблем? Каким образом они становятся основными направлениями борьбы между реакционными и прогрессивными акторами XXI века?

Два последних десятилетия естественные и социальные науки демонстрируют нам, что мы находимся на перепутье в решении большинства из этих проблем, и то, как человечество сообща решит их в следующем десятилетии, будет определять жизнь людей до конца XXI века. ■

Адрес для связи: Джеффри Плейерс <Geoffrey.Pleyers@uclouvain.be>

> Бразильское социологическое общество приветствует форум МСА

Жакоб Карлос Лима, Федеральный университет Сан-Карлос, Бразилия, президент Бразильского социологического общества и член ИК МСА по социологии труда (ИК30)

В 2017 году Бразильскому социологическому обществу (*Sociedade Brasileira de Sociologia*, далее SBS) исполнилось 70 лет. Оно было основано в 1937 году как Социологическое общество Сан-Паулу и в 1950 г. преобразовано в Бразильское социологическое общество, присоединившееся к недавно созданной Международной социологической ассоциации.

В период с 1937 по 2017 год мы не наблюдаем преемственности в работе SBS, что объясняется политическими и организационными особенностями небольшого профессионального сообщества, объединявшего в основном университетских социологов. После реорганизации в 1950 году SBS провело в 1954 году первый Бразильский Конгресс социологов в городе Сан-Паулу. Социология сильно пострадала из-за военного переворота 1964 года, за которым последовала вынужденная отставка множества университетских профессоров и исследователей. SBS было реорганизовано только после демократизации страны в 1985 году. С тех пор Бразильское социологическое общество функционирует на регулярной основе. Раз в два года проводятся конгрессы, последний из которых, девятнадцатый, прошёл в 2019 в городе Флорианополис.

Неустойчивая траектория развития SBS в первые десятилетия сопровождалась созданием первых образовательных программ для студентов по социологии, политическим наукам или социальным наукам, инициированных в 1933 году в Сан-Паулу. До 1964 года 19 факультативных курсов по социологии читались в разных регионах страны, в Сан-Паулу предлагалось два курса для аспирантов.

На протяжении обозначенного периода социология набирала силу, а также усиливалась её научная автономия. Тем не менее, география проводимых исследований по-прежнему ограничивалась в основном Сан-Паулу. Военная диктатура и её забота о научно-технической автономии Бразилии невольно содействовали развитию социологии и социальных наук. Структурирование исследовательской сферы и системы последипломного образования привело к распространению социологического образования, бакалавриата и магистратуры по всей стране, что позволило в 1970-х годах создать ассоциации социальных наук, проводить конференции и распространять научные знания. Система оценки, внедренная CAPES (*Coordenação de Aperfeiçoamento de Pessoal de Nível Superior*, Бразильское Федеральное агентство по поддержке и оценке последипломного образования) в программы последипломного образования, утверждение докторской степени в качестве обязательного условия преподавания в государственных университетах и доступ к финансированию научных исследований, привели к созданию национальных критериев качества.

После демократизации страны развитию социологии способствовало усиление политики стимулирования: социология консолидировалась как академическая дисциплина и сфера исследований. Этот процесс сопровождался интернационализацией бразильской социологии, о которой узнали во всём мире. Начиная с 2006 года, социология стала обязательной дисциплиной в средней школе, что расширило рынок труда для социологов. Важно подчеркнуть, что в основном он распространяется на вузы и средние школы. В других сферах этот рынок труда почти незаметен, так как социологи по большей части работают в качестве специалистов по социальным вопросам и планированию в государственных учреждениях,

Порту-Алегри на закате. Фото Фелипе Валдуга (Flickr). Некоторые права сохранены.

НПО и частных компаниях, разделяя функции совместно с другими профессионалами гуманитарного профиля.

Однако достижения Бразильской социологии оказываются под угрозой после так называемого парламентского переворота 2016 года. Социология становится мишенью для представителей власти, которые ставят под сомнение её эффективность и актуальность в университетах и средних школах, затрудняют доступ к финансированию научных исследований и т. д. Недавно социологию обвинили в проповеди непонятого «культурного марксизма», угрожающего бразильской семье.

Эти атаки учащаются, что вызывает тревогу, и социология не является единственной мишенью. В 2017 году в ходе поспешной реформы средней школы социология была понижена до уровня факультативной дисциплины, как и философия. Крайне правое правительство, которое пришло к власти в 2019 году, нападает на эти две дисциплины, утверждая, что государственный университет должен отдавать приоритет «полезным» или, другими словами, прикладным курсам, таким как ветеринария, и что желающие изучать социологию и философию должны обучаться и брать соответствующие курсы в частных университетах. Атаки продолжаются и становятся характерными: утверждается, что государственный университет, в котором социология и философия включены в программу бакалавриата, а также в программы последипломно-

го образования, является бесполезной тратой средств и средоточием формирования политической оппозиции.

SBS вместе с другими профессионалами в области социальных наук, такими как Бразильская антропологическая ассоциация (ABCP) и Бразильское общество содействия развитию науки (SBPC), объединяют усилия, чтобы противостоять политике уничтожения общественной структуры страны во имя фискальных корректировок. Начиная с 1990-х годов, такая политика приводит к социальным и политическим катастрофам в большинстве стран своего применения, как, например, в Аргентине в 2000 году или в Греции в 2010 году.

В таком контексте проведение IV Форума МСА в Бразилии создаёт дополнительное пространство сопротивления не только для социологии, но и для борьбы знания с варварством. Это варварство сопровождается ограниченным религиозным фундаментализмом и авторитаризмом, к которым причастны республиканские институты, которые должны были защищать демократию, но которые, по-видимому, не слишком в неё верят.

Добро пожаловать на Форум! Мы рассчитываем на вас в этой борьбе за свободу, демократию и социальную справедливость! Без свободы социология невозможна! ■

Адрес для связи: Жакоб Карлос Лима <jacobi@uol.com.br>

> Бразильская СОЦИОЛОГИЯ: краткая оценка

Эрмилию Сантос, Папский католический университет Риу-Гранди-ду-Сул (PUCRS), Бразилия, председатель Местного организационного комитета (МОК) IV Социологического Форума МСА, президент ИК МСА по биографии и обществу (ИК38); **Андре Салата**, PUCRS (Бразилия), заместитель председателя МОК IV Социологического Форума МСА; **Эмиль Соботтка**, PUCRS (Бразилия), координатор программ МОК IV Социологического Форума МСА

Папский католический университет в Риу-Гранди-ду-Сул – место проведения IV социологического форума. Фото: Марчело Тресель (Flickr). Некоторые права сохранены.

Текущая ситуация в бразильской социологии парадоксальна. С одной стороны, отмечается высокий уровень институционализации, производительности и диверсификации. С другой стороны, наблюдаются явные попытки, особенно со стороны государственных чиновников, делегитимизировать вклад дисциплины в развитие общества и её актуальность. Таков неустойчивый контекст, в котором Бразилия впервые предоставит площадку для одного из важнейших событий, организуемых регулярно Международной социологической ассоциацией, а именно, IV Социологический Форум МСА, который состоится 14–18 июля 2020 года в Папском католическом университете Риу-Гранди-ду-Сул в Порту-Алегри. Заинтересованность бразильцев в МСА не является

>>

новостью, она постоянно растёт на протяжении последних десятилетий, о чём свидетельствует тот факт, что президентом страны был социолог, Фернандо Энрике Кардосо. Он же был единственным латиноамериканцем, который возглавлял МСА, с момента её основания в 1948 году. В контексте таких сложных условий, Форум приобретает ещё большую актуальность для привлечения членов местного социологического сообщества.

Бразильская социология впервые заявила о себе, сформулировав вопрос о национальной идентичности в разных полях экспертного знания. Особенное внимание уделялось этническим и расовым проблемам вследствие разнообразного состава местного населения: белых европейцев, порабощенных чернокожих африканцев и коренного населения. Несмотря на то, что этнические и расовые вопросы, а также проблематика модернизации всегда являлись предметом социологических дискуссий, влияние классических авторов, а также растущая поддержка эмпирических исследований помогли диверсифицировать и развить бразильскую социологию в последние десятилетия. При режиме военной диктатуры (1964–1985 гг.), когда молодое поколение профессоров социологии было вынуждено покинуть страну, неожиданно было создано несколько программ последипломного образования по социологии, были основаны первые социологические журналы.

Вопросы социального неравенства постоянно находятся в центре внимания большинства бразильских социологов. Например, Жилберту Фрейре, один из родоначальников социальных наук в Бразилии, поднял вопрос о том, как социальный порядок мог достичь баланса в условиях выраженных противоречий, которые остаются характерными для бразильского общества с момента его образования. Аналогичным образом Флорестан Фернандес, который внёс неопределимый вклад в развитие бразильской социологии, вместе с другими социологами (такими, как его ученик Фернандо Энрике Кардосо) провёл глубокие масштабные исследования тех архаичных форм неравенства и стратификации, которые продолжали сохраняться в процессе модернизации. Большое внимание, уделяемое этим вопросам, несомненно, является оправданным, поскольку основной исторически устойчивой характеристикой бразильского общества является неизменно высокий уровень неравенства.

Период демократизации после 1984 года сопровождался всплеском общественных движений, требующих гражданских и политических прав. Демократия и социальная справедливость стали тесно взаимосвязанными. Данная проблематика была воспринята социологами, которые часто становились участниками движений, работая при этом в своём исследовательском поле. Таким образом, неудивительно, что бразильская реальность требует тщательного социологического анализа, который выходит за рамки безобидных нарративов о неравенстве, которые характеризовали доминирующую дискуссию на протяже-

нии большей части второй половины XX века. Массовые протесты 2013 года, направленные преимущественно против экономической политики правительства, и все последующие политические демонстрации указывают на то, что состояние бразильского общества неуместно описывать как «баланс противоречий», используя категорию, прежде использовавшуюся для его описания. Социологи должны по-новому осмыслить постоянно меняющуюся реальность.

Социальная реальность Бразилии также должна рассматриваться в многомерной и интерсекциональной перспективах, требующих всё более сложных аналитических инструментов. Например, на бразильском рынке труда чернокожие работники по-прежнему зарабатывают примерно на 40% меньше, чем белые. Эмпирические исследования показывают, что доход также варьируется в зависимости от пола, региона, класса и так далее. Учитывая то, как взаимодействуют различные принципы стратификации, бразильское общество, вне всякого сомнения, представляет собой очень интересный пример для анализа растущей сложности неравенства в современном обществе. Актуальность таких социальных вопросов также может быть связана с недавно возникшим интересом бразильской социологии к проблемам окружающей среды.

В глобальной социологии, которую мы практикуем сегодня, большие вызовы, с которыми сталкивается бразильское общество, должны исследоваться как часть более широкого контекста мирового коллективного проекта. Обозначенные выше вопросы некоторое время назад были подняты во многих других странах. Недавние политические события, такие как движение «Захвати Уолл-стрит» (*Occupy Wall Street*), демонстрируют, что сегодня общество уделяет большое внимание проблемам демократизации, политического участия и неравенства. Мы уверены, что бразильская социология может внести огромный вклад в эту дискуссию, и наша социальная реальность предоставляет благоприятную почву для проведения эмпирических исследований.

Настоящая подборка из шести статей молодых исследователей из разных регионов страны является примером плодотворного национального научного производства в социологической сфере. Хотя эта подборка не является исчерпывающей, она демонстрирует качество существующей социологической работы и разнообразие тематических, теоретических и методологических подходов. Авторы этих статей и множество других социальных учёных примут участие в дискуссиях, которые пройдут во время Форума МСА, организованного в сотрудничестве с Бразильским социологическим обществом и Папским католическим университетом Риу-Гранди-ду-Сул. ■

Адреса для связи:
 Эрмилу Сантос <hermilio@puccrs.br>
 Андре Салата <andre.salata@puccrs.br>
 Эмиль Соботтка <esobottka@puccrs.br>

> Нарративы институционализированного детства

Веридиана Домингос Кордейру, Университет Сан-Паулу, Бразилия, член Исследовательского комитета МСА по биографии и обществу (ИК38)

Сельскохозяйственный институт для несовершеннолетних, Бататайс, Штат Сан-Паулу, Бразилия. Фото: Веридиана Домингос Кордейру.

В период военной диктатуры (1964–1985 гг.) Бразилия была свидетелем не только политических преследований, массовых арестов, пыток, цензуры и исчезновений людей, но и насильственных практик контроля над маргинализированными и брошенными детьми. Для этих целей правительство сформировало Национальный фонд благосостояния несовершеннолетних (*Fundação Nacional do Bem-Estar do Menor*, далее *FUNABEM*), который отвечал за государственную политику в отношении младенчества и детства. *FUNABEM* объединил уже существующие Дисциплинарные институты (*Disciplinary Institutes*) и усилил интернирование бедных детей и подростков. За изолированным детством в тотальном институте следовала характерная для этих бывших воспитанников стигматизированная взрослая жизнь. Спустя десятилетия некоторые из них нашли друг друга и создали систему взаимоотношений через социальные сети и ежегодные сборы воспитанников детских домов для того, чтобы вспомнить свой прошлый опыт сельской жизни, институционализированное насилие, неуверенность в

будущем, детский труд, маскулинную социализацию и дисциплину.

Чтобы понять динамику процессуальных мнемонических практик, применяемых бывшими воспитанниками дисциплинарных институтов для работы со временем и идентичностью, мы обратились к социологическим теориям памяти. В течение четырёх лет мы собираем данные о многомерном взаимодействии участников сети, чтобы исследовать работу памяти, сотканной участниками сети с помощью переплетения мыслей, социальных отношений и артефактов. Сбор данных осуществлялся различными способами – от глубинных интервью и традиционной этнографии до нетнографии. В дальнейшем мы провели герменевтический анализ некоторой совокупности нарративов, чтобы интерпретировать, как бывшие воспитанники понимают свой прошлый опыт.

Мы пришли к выводу, что время и изменения во взаимодействиях являются главными факторами, определяющими самоопределение участников сети в прошлом

>>

Бывшая воспитанница посещает Институт для несовершеннолетних. Фото: Веридиана Домингос Кордейру.

и настоящем, а также их понимание своего прошлого. Нарративы, приобретающие легитимный характер в их кругу, применяются для приукрашивания событий прошлого. Обычно нарративы скрывают тяжёлые события; в них используются новые значения, помогающие интегрировать эти события в общий сюжет биографии, основанной на жизненных достижениях. В этих нарративах три негативных элемента прошлого опыта были интерпретированы как позитивные. Во-первых, отказ родителей от своих детей преподносился как акт альтруизма; во-вторых, институциональное насилие рассматривалось как легитимное; в-третьих, принудительный детский труд в детдоме позиционировался как вдохновляющий опыт.

Мнемоническое сообщество создает сеть validations в том смысле, что некоторые интерпретации имеют тенденцию преобладать над другими. Если смыслы, придаваемые прошлому отдельными участниками сети, более или менее совпадают, то они становятся общепринятыми в сообществе. В то же время выпадающие из общего

пула интерпретации со временем утрачивают свою силу, если они не валидируются другими участниками сети взаимодействия. Хотя автобиографические нарративы основаны на личных воспоминаниях, стремление выработать некий общий рассказ побудило бывших воспитанников скорректировать свои рассказы в рамках главной, позитивной и целостной истории жизни. Многочисленные страдания в истории жизни (разлука с семьёй, институциональное насилие, изолированное детство и стигматизированная жизнь – только некоторые из них) представляются как шаги на пути к успеху. Дисциплинарный институт привил им такие ценности, продвигаемые институтами диктатуры, как, например, формирование характера посредством дисциплины, что часто подразумевало некритическое следование правилам. Создание общего нарратива в мнемоническом сообществе обеспечило чувство принадлежности к прошлому, которое существовало, и признание этого со стороны других. ■

Адрес для связи: Веридиана Домингос Кордейру <veridiana@uchicago.edu>

> Социальная помощь как сфера социальной политики Бразилии

Густаву Конди Маргаритес, Федеральный институт Риу-Гранди-ду-Сул, Бразилия

Члены Конституционного Собрания празднуют принятие Бразильской Федеральной Конституции 1988 г. Из архива Agência Brasil.

С самого создания современного бразильского государства социальная помощь предоставляется гражданам хаотично и с незначительным участием государства. Инициативы в этой области ориентированы на идеи филантропии и милосердия. Кроме того бразильское правительство представляло меры социальной помощи как меры социальной защиты, стирая тем самым границы между этими двумя сферами социальной политики. В настоящей статье, основанной на моём диссертационном исследовании, проводится анализ институциональных изменений, которые позволили трансформировать социальную помощь в сферу социальной политики, руководствуясь концепцией социальных прав. Этот процесс можно разделить на два этапа: первый – разработка Федеральной конституции (1986–1988) и второй – Органический Закон о социальной помощи (1991–1993). На каждом из этих этапов законодательства действовали разные коллективные акторы, которые выступали за изменения исторически сложившейся модели, принятой государством, и способствовали формированию новой сферы политического регулирования.

На первом этапе основным источником институциональных изменений была сфера государственного обеспечения, что стало возможным благодаря участию экспертной группы, сформированной федеральными бюрократами, заинтересованными в реформировании бразильской системы социальной защиты. Их цель состояла в создании новой системы, для которой центральным является понятие социальной защиты как права всех граждан, гарантированного государством. Они полагали, что социальная помощь будет играть важную роль в новой

системе, гарантируя гражданам, не охваченным сферой социального обеспечения, предоставление других видов социальной защиты.

На втором этапе институциональной трансформации к законодательской деятельности подключились специалисты – учёные и профессиональные социальные работники, которые до принятия Федеральной конституции не участвовали в процессе. Постепенная интеграция акторов из академической сферы и специалистов по социальной работе объясняется теоретической трансформацией, которая изменила их представления о своих отношениях с государством. Долгое время среди интеллектуалов доминировала идея структурных марксистов о том, что действия государства являются инструментами воспроизводства буржуазного общества. Этот теоретический подход начал терять свои позиции в конце 1980-х годов с усилением взглядов Грамши, согласно которым государство рассматривалось как общее пространство борьбы с гегемонией. Смена теоретических подходов изменила отношение профессионалов и исследователей к публичной политике и социальной работе, которые ранее воспринимались ими с осторожностью. Вследствие произошедшей трансформации учёные и специалисты по социальной работе составили основную группу, выступающую в защиту разделения социальной помощи и социального обеспечения как различных сфер социальной политики.

Результаты исследования показывают, что кристаллизация социальной помощи в качестве автономного сектора социальной политики в Бразилии стала возможной только благодаря сочетанию факторов. Среди внешних факторов, способствующих развитию бразильской социальной политики, назовем уничтожение военной диктатуры и формирование нового демократического порядка; среди внутренних факторов – активность групп профессионалов, занятых в сфере социального обеспечения и социальной работы. ■

Адрес для связи: Густаву Конди Маргаритес <gustavo.margarites@gmail.com>

> Борьба женщин за городское жилье в Порту-Алегри

Присила Сусин, Папский католический университет Риу-Гранди-ду-Сул, Бразилия

Присила Сусин на крыше сквота, которым управляют в основном женщины. Порту-Алегри, 2019. Фото предоставлено Присилой Сусин.

Дефицит жилья в крупных городах Бразилии затрагивает значительные слои бедного населения, оказывая наибольшее влияние на чернокожих женщин. Рост общественного движения за предоставление жилья (сквоттерские движения) в городских районах способствует появлению новых политических репертуаров, начиная с 1980-х годов. В ходе движения протестующие выявляют большое количество нефункционирующих объектов, занимают заброшенные здания в городских центрах. Примечательно, что женщины составляют большинство живущих в этих захваченных пространствах, что указывает на многомерную сегрегацию, которую они испытывают как в нормативном аспекте, так и в повседневной жизни. Исследование, проводимое в рамках моей докторской диссертации, ориентировано на выстраивание диалога с этими женщинами. Моя задача понять, как они интерпретируют свой опыт борьбы за право на жилье до и после участия в политически активных группах и переезда в сквоттерские здания.

> Интерпретативный и биографический подход

Полевое исследование проводилось в период с 2015 по 2018 год в Порту-Алегри, столице Риу-Гранди-ду-Сул. Собирая синхронные и диахронические биографические данные, я проводила включённое наблюдение и биографические интервью с женщинами, живущими в двух сквоттах в центре города. Эмпирическое исследование предполагало практически еженедельное ознакомление с повесткой общественного движения с тем, чтобы быть в курсе его политической и повседневной рутины.

Применяемая методология в эпистемологическом аспекте восходит к социологии Альфреда Шютца, в частности к его концепции «системы релевантности», и ряду понятий (см. также Бергера и Лукмана), с помощью которых можно концептуализировать типичность повседневного социального конструирования реальности. Методика биографического исследования, разработанная

>>

Граффити с надписью «Центр города принадлежит народу» на сквоте в центре Порту-Алегри, 2018. Фото: Приссила Сусин.

Габриэлой Розенталь, послужила инструментарием для реконструкции биографического опыта двадцати трёх опрошенных женщин с учетом социально-исторического контекста.

> Между «традиционными» и «политизированными» символическими полями

Среди основных результатов исследования – интерсекциональное видение проблем жилья и гендера, которое предлагает эмпирически обоснованную перспективу, позволяющую преодолеть некоторые методологические ограничения этих автономных предметных областей. Реконструкция системы релевантности интервьюируемых позволила выявить аспекты ограничений, сопротивления и совладания с трудностями, которые обычно не доступны в рамках заранее заданных аналитических категорий.

Изучая иерархическую культуру повседневности, я обнаружила, что характер организации общественного движения также может снизить шансы на равноправное политическое участие женщин в процессах «борьбы». В ходе полевого исследования было установлено,

что развитие новых форм политического перформанса глубинным образом связано с недавними конфронтациями и изменениями в традиционных принципах регулирования гендерных отношений.

Анализ биографических данных позволил также выявить феномен латентного интерпретативного наложения «традиционных» и «политизированных» символических полей. Объясняя своё пребывание в городе на грани незаконности, женщины озвучили возобновляющиеся конфликты между выполнением ожидаемых гендерных ролей (материнство и домашний труд) и формирующимися политическими представлениями (о достойном жилье и доступе к городскому пространству как социальном праве). Было обнаружено, что оба типа ресурсов самопрезентации генерируют моральный капитал, хотя первый в основном связан с внешними и легитимизированными классовыми ценностями, а второй – с внутренней политикой борьбы, что приводит к восприятию борьбы за право на жильё как «средства» и как «цели». ■

Адрес для связи: Приссила Сусин <pri.qsusin@gmail.com>

> Неформальное управление насилием в Ресифи

Рикарду Кальдас Кавальканти, Федеральный университет Пернамбуку, Ресифи, Бразилия,
член Латиноамериканской социологической ассоциации (ЛАСА)

20

Ресифи (Бразилия), 2019. Фото: Рикарду Кальдас Кавальканти.

>>

Вопрос управления или (формального и неформального) регулирования насилия на маргинализированных территориях в Латинской Америке уже много лет является предметом социологических исследований. Исследование, осуществлённое в рамках моей магистерской диссертации, было проведено с целью анализа и понимания того, как насилие регулируется в сообществе в южной части Ресифи, в Бразилии, без участия государственных институтов. В практическом плане негосударственное регулирование насилия означает формирование соглашений между локальными акторами, позволяющими им выработать договорённости и решения (вне государства или вопреки ему).

Основная гипотеза исследования заключается в том, что работа полицейских структур и недостаток легитимности системы уголовного правосудия в Бразилии создают спрос на альтернативные формы управления насилием. Другими важными переменными, динамика которых напрямую влияет на регулирование насилия в локальном контексте, являются функционирование наркотических рынков, фрагментация которых препятствует консолидации монопольных практик регулирования, а также наличие неформальных сетей локальных акторов, способных повлиять на статистику убийств. В исследовании применялись следующие стратегии сбора данных: этнография (в течение пяти месяцев я жил в малоимущей общине в Ресифи), десятки формальных и неформальных полуструктурированных интервью, а также невключённое наблюдение.

Главный вывод исследования, которое ещё продолжается, состоит в том, что способ действий Военной полиции (*Polícia Militar*, далее РМ) в данном сообществе является основной причиной, объясняющей необходимость поиска альтернативных форм обеспечения порядка. РМ на местном уровне действует в условиях слабой подотчётности, изменяя рутину сообщества посредством непредсказуемых действий, которые, как правило, включают чрезмерное применение силы и установление ряда ограничений для жителей. При этом судебная власть является институтом, обладающим низкой легитимностью и низкой эффективностью в урегулировании конфликтов.

Возможно, что наиболее актуальный вывод исследования заключается в том, что модель регулирования насилия в сообществе определяется или утверждается локальными акторами, которые обладают относительно высокой степенью легитимности среди местных жителей. Это процесс, в котором не существует установленных нормативных систем фиксированных социальных действий или ролей, как, например, в случаях мафии (Gambetta, 1993) или криминальной группировки «Первая столичная команда» (*Primeiro Comando da Capital, PCC*) (Feltran, 2010). Также не играют роли местные преступные сообщества, в отличие от случаев, описанных Буржуа (Bourgeois, 2003) и Векантеш (Venkatesh, 2009).

Хотя локальные действия не способствуют трансформации системы управления насилием в долгосрочной перспективе, тем не менее, путём сокращения количества эпизодов насилия они демонстрируют очевидную функциональность, поскольку могли бы достичь более легитимного, чем действия полиции, контроля над насилием. Они могут функционировать скорее как более или менее интенциональный механизм смягчения последствий конфликтов, но не как постоянная основа для уменьшения разногласий. В силу того, что главные участники регулирования конфликтов обычно ведут себя осторожно, это делает их действия невидимыми для большинства жителей. Таким образом, такие инициативы не становятся руководством к действию, которому могли бы последовать и другие, что и не позволяет им стать эффективным способом удовлетворения существующих запросов в области регулирования насилия. ■

Литература

- Bourgeois, P. (2003) *In search of respect: Selling crack in El Barrio*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Feltran, G. (2010) "Crime e castigo na cidade: os repertórios da justiça e a questão do homicídio nas periferias de São Paulo." *Caderno CRH* 23(58).
- Gambetta, D. (1993) *The Sicilian Mafia. The Business of Private Protection*. Cambridge: Harvard University Press.
- Venkatesh, S. (2009) *Gang leader for a day*. London: Penguin UK.

Адрес для связи: Рикарду Кальдас Кавальканти <ricardocaldas13@gmail.com>

> Профессиональные неравенства в Бразилии

Лукас Перейра Ван Дер Маас, Федеральный университет Минас-Жерайс (ФУМЖ), Бразилия

22

В современной Бразилии подъем по профессиональной лестнице и получение дипломов больше не дают явных преимуществ на рынке труда.

Благодаря развитию и демократизации высшего образования в стране профессиональная сфера в Бразилии меняется. В период с 2000 по 2010 год население с высшим образованием увеличилось более чем в два раза, включая людей с традиционно низким уровнем высшего образования, к которым относятся женщины, а также те, кто идентифицирован как темнокожие и граждане с низким доходом.

В то время как в странах с высоким уровнем дохода рост доступности высшего образования начался в 1960-е гг., и число людей с высшим образованием выросло до отметки выше 50% населения, в Бразилии этот процесс начался только в 1980-е гг. В период с 2000 по 2010 год доля лиц в возрасте от 18 до 24 лет, имеющих право на получение высшего образования, увеличилась

>>

с 28,4% до 48,5%. Однако доля людей, которые фактически получили доступ к высшему образованию, варьировалась от 9,1% до 18,7%. Чистый показатель охвата населения высшим образованием вырос с 7,4% до 14%. Тем не менее, Бразилия всё ещё находилась на относительно низком уровне по сравнению с такими странами Латинской Америки, как Чили и Аргентина, в которых, согласно статистике, в 2010 году было более 30% граждан с высшим образованием.

Кроме того, выход на рынок труда новых специалистов с университетским образованием не сопровождался соответствующим спросом. В настоящее время реализуется сценарий квалификационной инфляции. Он выражается в следующем сочетании обстоятельств: растёт спрос на высшее образование, наблюдается нехватка мест для специалистов на рынке труда, усиливается конкуренция за должности для специалистов и происходит обесценивание дипломов. Квалификационная инфляция связана не только с дисбалансом между спросом и предложением, но и с уменьшением способности общества создавать преимущества для людей с дипломом, который таким образом обесценивается как механизм социального распределения.

Моя докторская диссертация посвящена изучению того, как расширение социальной базы профессиональных групп и одновременная девальвация дипломов повлияли на процессы профессиональной стратификации, особенно с точки зрения сохранения и получения позиций, относящихся к среднему классу. В фокусе моего исследования был эмпирический анализ неравенства – внутри и межпрофессиональной стратификации в период между 1991 и 2010 годами на примере траекторий двух профессий в области здравоохранения – врачей и младшего медицинского персонала.

Данные о демографии, высшем образовании и рынке труда из открытых источников дополнили первичные данные, полученные с помощью онлайн-опроса на выборке из 217 врачей и 222 медсестёр. Профессиональные траектории информантов конструировались путём множественного анализа корреляций и кластерного анализа, позволяющих эмпирически описать профессиональное пространство с помощью переменных, которые фиксируют различные индивидуальные пути наемного работника: от семьи через профессиональное образование

до трудоустройства. Такой анализ позволил интерпретировать профессиональное пространство с точки зрения позиций, разделений и перемещений его субъектов.

Следует отметить, по крайней мере, четыре результата проведённого анализа: (i) значительное увеличение числа дипломов и выпускников в результате роста числа вакансий в высшем образовании в период с 1991 по 2010 год; (ii) расширение социальной базы высшего образования, включая женщин, студентов с низким доходом и тех, кто идентифицирует себя как чернокожие; (iii) обесценивание дипломов в среднем классе в контексте усиливающейся конкуренции за оплачиваемые должности на рынках специалистов; и (iv) увеличение горизонтальной иерархии среди студентов, сопровождающееся менее благоприятными условиями для женщин, чернокожих, молодежи и представителей менее престижных профессий.

Выделенные профессиональные траектории (хотя и не единственно возможные) продемонстрировали важность семейной преемственности и высшего образования для получения доступа к значимым позициям в профессиональном пространстве. Период выпуска и возраст специалистов также вносят вклад в формирование меж- и внутрипрофессиональной дифференциации. Гендерная сегментация также имеет значение, поскольку доля женщин существенно выше среди респондентов с траекториями, для которых характерен меньший доход. Меж- и внутрипрофессиональные различия воспроизводят и усиливают неравенство в профессиональном пространстве. Такие различия также выражаются в классовой идентификации респондентов.

Таким образом, открытость к профессионализму в Бразилии в период с 1991 по 2010 год определяет профессиональное пространство по-новому: в нём становится сложнее получить выгоду и растёт неравенство. Тем не менее, его внутренняя структура не изменилась с точки зрения меж- и внутрипрофессионального разделения. При этом профессионализм сохраняется как механизм воспроизводства значимых должностей, хотя случаи восходящей социальной мобильности учащаются. ■

Адрес для связи: Лукас Перейра Ван Дер Маас
<lucaswander@hotmail.com>

> Траектории среднего класса в Рио-де-Жанейро

Изабель Виейра, Государственный университет Рио-де-Жанейро (PPCIS/UERJ), Бразилия

Иллюстрация Арбу.

В 2000-х годах в Бразилии сложились благоприятные экономические условия, когда население переживало рост уровня доходов и потребления. В 2014 году в стране разразился серьезный политический и экономический кризис, ощущаемый главным образом через потерю рабочих мест и девальвацию денег.

С целью понимания процессов социальной мобильности и влияния недавнего кризиса на жизнь среднего класса было проведено качественное исследование с применением методов включённого наблюдения и глубинных интервью с 28 жителями кондоминиума в районе Печинча Рио-де-Жанейро.

Участники исследования идентифицируют себя как принадлежащие к промежуточному слою в социальной структуре, часто обозначаемому как «средний класс», или в аналогичных терминах.

Респонденты осознают процессы своей восходящей и нисходящей социальной мобильности. Как отмечает Игорь (42 года, водитель): «Послушай, вот я в средней школе. И я, я не скажу, что наверху, но это почти там, а сегодня я внизу». Общее представление состоит в том, что период экономического бума был иллюзией, поскольку у него не было прочной политической, экономической и социальной базы.

Как показывает изучение данной социальной группы, в период экономического роста потребление было движущей силой процесса социальной дифференциации. В настоящее время, столкнувшись с экономическим кризисом, эти люди вынуждены сократить потребление; и, таким образом, уровень материального благосостояния не может служить достаточным символическим маркером социального положения: «Уровень потребления дает

неправильное представление о том, чего человек достиг в жизни» (Артур, 46 лет, военно-воздушные силы); «Я думаю, что средний класс - это, скорее, реклама. Это стимулирует путешествия, но после путешествия вы возвращаетесь к своей реальности [смеется]» (Гилмар, 64 года, продавец).

Опрошенные сообщают, что в их семьях существуют большие ожидания со стороны родителей, что их дети будут более образованными, чем они сами. Родители приносят реальную «жертву», чтобы дети посещали начальную и среднюю школу в частных учебных заведениях. Трансляция ценностей и поведения является одним из основных факторов отказа от государственных школ: «[...] это вопрос постоянного общения с детьми, у которых совсем иное воспитание, верно?! Это самая большая проблема» (Илза, 47 лет, безработная, охрана).

Респонденты чувствуют себя уязвимыми в отношении сохранения своего социального положения. В этом смысле частная школа является одновременно символом и инструментом классовой принадлежности: «Возможно, так случится, что мой ребенок будет учиться в государственной школе, и я тогда сразу почувствую, что я отношусь к другому классу. Это будет странно!» (Лара, 42 года, безработная, охрана).

У среднего класса в Рио-де-Жанейро нет имущественных накоплений; в его распоряжении только знания и трудовые навыки, а этот «капитал» необходимо обновлять с каждым поколением, что требует усилий и самоотверженности. Не видя перед собой радужных перспектив в условиях современного экономического кризиса, средний класс делает ставку на своих детей в качестве гарантии проекта восходящей социальной мобильности. ■

Адрес для связи: Изабель Виейра <representar.mg@hotmail.com>

> Политика затягивания поясов:

риски для системы всеобщего медицинского обслуживания

Мария Петмесиду, Фракийский Университет им. Демокрита (Греция), Ана Гильен, Университет Овьедо (Испания), Эммануэле Паволлини, Университет Масерата (Италия)

Любые изменения в охвате населения услугами коллективного характера и в определении условий, устанавливающих права на получение этих услуг, могут существенным образом изменить очертания принципа универсализма и лежащего в его основе паттерна солидарности. С конца 1970х – начала 1980-х годов в Италии, Испании, Португалии и Греции работает система всеобщего медицинского обслуживания населения. При этом в Португалии и Греции принцип универсализма реализуется не во всей полноте. В этих странах действует смешанная система медицинского обслуживания, которая поддерживает неравенство в обеспечении медицинскими услугами. Смешанная система национального медицинского обслуживания представляет собой сочетание государственной помощи, социального страхования определенных социальных категорий и высокого уровня распространенности оплачиваемых индивидуально услуг. Финансовый кризис серьезно подорвал все четыре системы медицинского обслуживания, но сильнее всего от него пострадала Греция.

Насколько кризис и политика сокращения бюджетов повлияли на трансформацию здравоохранения? Насколько изменился охват населения медицинскими услугами и как реализуется в этих условиях принцип всеобщности? Краткий ответ на этот вопрос звучит следующим образом: нет никаких однозначных свидетельств, подтверждающих сокращение охвата и принципиальных нарушений принципа универсализма. В течение последнего десятилетия во всех четырех странах реализовывались сходные программы социальной политики, к которым относятся: разделение затрат (в фармацевтике в основном), изменение диапазона обеспечения и сокращение материальных, а также человеческих ресурсов. Однако степень влияния этих мер на стоимость медицинских услуг для пациентов и на рост неравенства в доступе к услугам различается по странам. Более того, в Греции и Португалии, которые больше всего пострадали от долгового кризиса (и попали под действие особых ЕУ- программ для должников), благодаря внешнему и внутреннему давлению произошли существенные изменения, которые привели к уменьшению степени фрагментации, большей прозрачности и меньшему уровню неравенства в обеспечении услугами в сегменте государственной медицины.

> Сокращение государственных расходов и неудовлетворенная потребность

В самый пик кризиса 2008–2013 гг. в Греции резко (на 30%) упали душевые расходы на общественное здоровье (изменяемые в стандартах покупательной способности в устойчивых ценах 2010 года). В Португалии эти расходы сократились на 12%, в Италии – на 8% а в Испании – на 3%. В дальнейшем их уровень фактически оставался прежним в Греции и Италии, но несколько вырос в Испании и Португалии. Однако во всех четырех странах увеличился разрыв со средними расходами в 15 странах ЕС (страны ЕС за исключением новых членов, вступивших в Евросоюз после его расширения за счет восточно-европейских стран). В 2017 г. душевые траты на получение медицинских услуг госсектора в Греции составили всего треть средней по ЕС-15 и половину расходов Португалии. Испания и Италия по этим показателям все же были ближе к средним цифрам по ЕС. При этом, особенно, начиная с 2013 года, расходы граждан на частную медицину выросли во всех четырех странах, составляя 40% (в Греции) и 24% (в Испании) от всех расходов на здоровье.

Греция до сих пор демонстрирует самый высокий уровень неудовлетворенной потребности в медицинских услугах, вызванной чрезвычайно высокими ценами на них. В этой стране даже домохозяйства со средним уровнем достатка, особенно включающие детей и пожилых граждан, испытывают финансовые барьеры, препятствующие доступу к системе здравоохранения. Таким образом, риски, вызванные катастрофически высокими для семейных бюджетов расходами на частные медицинские услуги, остаются крайне высокими. В Испании и Италии рост очередей на прием к специалисту и в стационар составляет основное препятствие обеспечения медицинскими услугами в период кризиса. Самые низкие показатели неудовлетворенной потребности наблюдаются в Испании. Однако для Италии и Испании характерны существенные региональные различия в распределении ресурсов медицинского обслуживания. Особенно эти различия поражают в Италии, где в южных регионах обнаруживается выраженная нехватка ресурсов по сравнению с северными и центральными регионами.

>>

“ В Греции даже домохозяйства со средним уровнем достатка, особенно включающие детей и пожилых граждан, сталкиваются с финансовыми барьерами, препятствующие доступу к системе здравоохранения”

В Греции и до некоторой степени в Португалии были проведены реформы, ориентированные на контроль качества и мониторинг действий врачей (были внесены изменения в стандарты, регулирующие число необходимых диагностических тестов; максимальное число ежемесячно выписываемых лекарственных средств и проч.). Эти изменения делают систему более прозрачной и способствуют фиксации цен. Но в то же время эти же реформы оказывают воздействие на навигационные способности системы и ее проницаемость. Это сочетается со все более фрагментированными треками медицинского обслуживания, разделяющими первичный уровень и уровень специализированного стационарного медицинского обслуживания в этих двух странах. Более того во всех четырех странах относительно высокая степень избыточной госпитализации для некоторых хронических заболеваний отражает нехватку превентивной первичной медицинской помощи, что негативно влияет на показатели равного и качественного обеспечения медицинскими услугами. Это касается таких хронических заболеваний, как диабет, гипертензия, астма и т.п.

> Причины для беспокойства

Обозначим некоторые основания обеспокоенности состоянием медицинского обслуживания в этих странах. Во-первых, в настоящее время наблюдается выраженный тренд сокращения государственных ресурсов медицинского обслуживания. Это выражается в стабильном подъеме душевых расходов на медицинские услуги частного сектора. Во-вторых, правовые основания охвата в принципе остаются всеобщими, но на практике доступ к услугам становится проблемой для некоторых уязвимых групп (что объясняется специфической для каждой страны комбинацией причин, среди которых – высокие цены, длительные очереди, удаленность и проч.). В-третьих, с 2005 по 2015 гг. активно развивается частное страхование по здоровью (добровольное или корпоративное). Число получателей частной страховки выросло почти в два раза в Испании и значительно возросло в Португалии. Этот показатель также возрастает в Италии, а в Греции кризис остановил рост этого тренда. При этом в Греции личные денежные траты за медицинское обслуживание по-прежнему остаются высокими. В настоящее

время частное страхование в основном способствует более быстрому доступу к услугам специалистов и охватывает наемных работников некоторых крупных предприятий.

Будущее этого тренда и вероятность его всеобщего распространения в высшей степени зависит от нескольких факторов. Назовем некоторые из них. Прежде всего, необходимо учитывать влияние социальной политики, способствующей дизайну нового микса государственного и частного сегментов медицинского обслуживания, предпочтения наемных работников, налоговую политику и проч. Если медицинское страхование по месту работы приобретет универсальный характер (т.е. охватит большую часть занятого населения и будет подробно регулироваться, как это происходит, например, в некоторых северо-европейских странах), то принцип равенства в доступе будет сохранен. В таком случае можно ожидать снижения давления на государственный бюджет при сохранении всеобщего охвата. Но если страхование занятых будет охватывать лишь некоторые (привилегированные) группы работников, то тип солидарности трансформируется. Произойдет отказ от универсальной модели предоставления медицинской помощи, и новый гражданский контракт солидарности охватит лишь часть работающих граждан.

И наконец, в обозримом будущем государственная система медицинских услуг столкнется с финансовыми ограничениями, сопровождающимися быстрым технологическим развитием в сфере здравоохранения. При этом можно прогнозировать рост потребностей клиентов в превентивных сервисах (которые недостаточно развиты во всех четырех странах) и в социальных услугах (в основном долгосрочного ухода), обусловленный старением населения. Такие потребности могут стать мощными триггерами реорганизации частно-государственного взаимодействия в медицине, изменяя динамику социальной солидарности и сфере здравоохранения. ■

Адреса для связи:
 Мария Петмесиду <marpetm@otenet.gr>
 Ана Гильен <aguillen@uniovi.es>
 Эммануэле Паволини <emmanuele.pavolini@unimc.it>

> пособия по безработице в новую эру случайных заработков

Дэниел Клегг, Университет Эдинбурга, Великобритания

Нулевые контракты являются постоянной темой трудовых протестов в ВБ. Фото: Кристофер Томонд.

Обеспечение пособиями взрослых трудоспособных граждан всегда было одним из самых противоречивых вопросов социальной политики. Пособия по безработице были введены для того, чтобы защитить граждан, исключенных из рынка оплачиваемого труда, от потери источника дохода. При этом эти пособия всегда вызывали критику как меры, способствующие добровольному уклонению от занятости. В последние годы такая критика стала звучать все чаще в медиа дискурсе и политических дебатах. Политические меры в последние годы ужесточили так называемую кондициональность – т.е. условия предоставления пособий. Для получения пособия необходимо, чтобы безработные представили подтверждение тому, что они предпринимают усилия вернуться на рынок труда. В противном случае им угрожает сокращение размера или лишение пособия. Все эти меры стали наиболее важными характеристиками реформирования системы пособий по безработице в европейских странах в последние четверть века. Такие меры послужили ответом на рост общественной озабоченности по поводу злоупотребления в сфере предоставления пособий. При этом реформы парадоксальным образом подтверждают общее представление о том, что злоупотребления, связанные с пособиями по безработице, имеют широкое распространение.

> Фрагментация работы и неопределенность занятости

Общественность уже давно проявляет озабоченность в связи со злоупотреблениями при получении пособий по безработице. Обсуждается степень ответственности тех, кто живет на пособия и не занимается поисками работы. Однако внимание к этим обстоятельствам способствует замалчиванию основной проблемы, с которой сталкивается политика в отношении безработицы в XXI веке. Пособия по безработице появились в условиях рынка труда, при котором наемная работа была реорганизована таким образом, чтобы обеспечивать работников (мужчин) более продолжительными часами работы и постоянной занятостью. Рабочая сила стала постоянной в результате роста промышленного производства. Но к этому постоянству занятости также стремились публичные политики и участники коллективных договоров. Сегодня мы видим совсем иную картину. Сервисная экономика богатых демократических государств сталкивается со взрывным характером появления разнообразных типов нестандартных отношений занятости, и, прежде всего, с возвращением краткосрочных и фрагментированных работ (например, по вызову), которые иногда маскируются под названием самозанятости. Новые

>>

технологии способствуют фрагментации трудовых задач и ускоряют развитие «гиг-экономики». Правительства в лучшем случае проявляют сомнение в необходимости противостояния этим новым трендам занятости. В большинстве случаев они стараются активно содействовать их развитию, рассматривая их как путь к экономическому росту, конкурентоспособности и росту занятости. Ослабленные профсоюзы оказались совершенно беспомощными перед этим феноменом. Мы скатываемся в новую эру случайных заработков.

Сегодня для многих, особенно для тех, кто имеет низкую квалификацию, безработица представляет собой совершенно иной тип «социального риска», чем тот, который законодатели старались компенсировать, вводя пособия по безработице несколько десятилетий тому назад. Раньше безработица представляла собой относительно короткий период отсутствия работы между периодами стабильной долгосрочной занятости. Теперь безработица - это постоянно встречающееся состояние трудоспособного человека, занятость которого представляет собой последовательность более или менее краткосрочных, нерегулярных и необеспеченных социальными гарантиями периодов занятости. Граница между безработицей и занятостью становится все более неясной. Представим себе работника, обеспеченного работой в первую и последнюю неделю месяца, но не работающего в остальные дни. Будет ли он считаться работающим или безработным в течение этого месяца? Представим, что человек был занят одновременно на двух работах, но в режиме частичной занятости, а потом потерял один из этих заработков, но сохранил другой. Каков его статус - он работающий? Или безработный?

> Бенефиты, встроенные в работу: пусть работа оплачивает риски

Политический тренд, отвечающий сложным проблемам современного рынка труда, - это не общий поворот к более жестким условиям получения пособий, но, скорее, более тонко настроенное и неравное развитие социальной поддержки на рабочем месте. Такие меры социальной защиты в последние годы действуют во многих европейских социальных государствах. Они принимают разные формы, реализуются в виде отдельных льгот или благодаря модификациям критериев, позволяющих получить страховку от безработицы и помощь в случае сокращения рабочего места. Социальные гарантии, встроенные в рабочие места, порождают убеждение, что основной причиной того, что люди оказываются без работы, является низкая мотивация к труду, недостаточные усилия в поиске работы или недостаток личной ответственности. Социальные гарантии, встроенные в рабочие места, существуют всего лишь потому, что современные европейские рынки труда предлагают для тех, кто имел статус безработных, условия занятости, которые характеризуются меньшим вознаграждением и меньшей социальной защитой, чем предоставляют социальные пособия, несмотря на то, что размер последних тоже не слишком велик.

Политика дополнения заработков системой социальных бенефитов также порождает свои проблемы. Ее цель заключается в создании значимых стимулов возвращения безработных в мир труда. Однако если это так, то бенефиты,

встроенные в работу, должны обеспечивать работников не только добавкой к доходу, но и убедить их в том, что если они вдруг потеряют новое место работы, их положение не ухудшится по сравнению с тем, в котором они находились до получения работы. Такая политика открывает двери ситуациям, когда периоды работы и не-работы постоянно чередуются, и становится потенциально возможной институционализация краткосрочной прерывистой занятости благодаря постоянной имплицитной субсидии, осуществляемой системой социальной поддержки. Именно в этом направлении работает предложение об универсальном базовом доходе. Когда встроенные в работу бенефиты ориентированы на поддержку занятости в низкодоходных группах и стремятся сократить затраты, они способствуют созданию высокоэффективных налоговых послаблений для работников, старающихся увеличить часы своей работы или заработка. Таким образом, с помощью пособий поддерживается занятость работников на низкооплачиваемых позициях и перспективы их экономического роста снижаются.

> Гибкая защита (флексикьюрити) или создание стабильности?

Столкнувшись с этими проблемами реальной политики в сфере труда, некоторые правительства Европы недавно объявили о существенном сокращении встроенных в работу бенефитов, и таким образом, снова обращаясь в основном к критерию кондициональности, позволяющему, как им кажется, вывести безработных в сферу стабильной занятости. Так произошло с реформированием страхования от безработицы во Франции (2019 г.). Даже для тех рабочих мест, в которые встроены бенефиты, был введен критерий «кондициональности» как попытка осуществлять более жесткий контроль действий тех работников, которые претендуют на социальную поддержку, связанную с продвижением по служебной лестнице. Именно этот эффект демонстрирует, например, система всеобщего кредита, принятая в Великобритании. В обоих случаях мы наблюдаем стремление возложить ответственность за реальность современного низкодоходного сегмента рынка труда на плечи тех, чьи экономические возможности являются крайне ограниченными.

Суть проблемы заключается в сложности адаптации системы денежных трансфертов, характерной для современных европейских социальных государств, устроенных в соответствии с логикой компенсации рисков, к новому контексту рынка труда, при котором работа становится непредсказуемо ненадежной для столь большого числа людей. «Флексикьюрити» - это новый модный политический идеал, сочетающий гибкий рынок труда и социальную защищенность. Хотя упаковка кажется привлекательной, но на деле эта политика не содержит ясного практического руководства по тому, как защитить людей, живущих на случайные заработки, без спиралевидного роста затрат, непредвиденных последствий или того и другого вместе. Защита от безработицы будет иметь смысл, только если европейские рынки труда смогут обеспечить базовый уровень стабильности трудовой жизни. Выполнение этой задачи требует лучшего регулирования занятости, а не строгого контроля поведения и без того уязвимых работников. ■

Адрес для связи: Дэниел Клегг <Daniel.Clegg@ed.ac.uk>

> Субъективация социальной политики, поляризация общества

Роланд Атцмюллер, Университет имени Иоганна Кеплера, Австрия

Эволюция режимов социального обеспечения в Европе, но не только в ней, демонстрирует сдвиг от так называемого пассивного паттерна действий по социальной поддержке, для которого типична модель роста заработной платы (фордизм), к политике жёсткой экономии и преобладанию социальных программ, ориентированных на поддержку предложения услуг. Эти политики реализуются в рамках различных национальных проектов неолиберальных реформ с 1980-х и 1990-х годов и принимают более радикальную форму после 2008 года. Проводимые реформы требуют повышения ответственности самих индивидов и их семей в отношении социальной защиты от рисков капиталистических рынков. Приватизация социальной защиты (пенсии, здравоохранение) во многих странах является парадигматической для этого вектора развития и ведёт к росту социальной незащищённости и неравенства.

Однако самореспонсификация индивида предполагает, что он активно вовлекается в действия, направленные на постоянную адаптацию его субъективности (его отношения к работе, его навыков и компетенций) к изменяющейся динамике рынка и социальному кризису. Индивидуализированная и субъектно ориентированная социальная политика направлена преимущественно на оптимизацию условий обмена между трудом и капиталом – посредством большей защищённости, мультипликация форм обмена и гарантий гибкости. Такая оптимизация предполагает мобилизацию всех трудоспособных взрослых, что подразумевает расширение сферы ухода за детьми, а также (постоянное) улучшение возможностей трудоустройства людей в формальной экономике. Переход к такой социальной политике, ориентированной на человеческий капитал, осуществляется в соответствии с мерами жесткой экономии. Это значит, что такая социальная политика получила развитие вместо удовлетворения более расширенных требований социальной защищённости, призванных обеспечить социальную сплочённость и интеграцию уязвимых социальных групп. Новый тип социальной политики приводит к росту уровня бедности и социального исключения во многих странах, поскольку такие группы, как пожилые люди, люди с ограниченными возможностями и хроническими болезнями всё чаще воспринимаются как непродуктивные объекты затрат.

Подобные изменения приводят к росту значимости социальных сервисов, основной задачей которых является обработка людей при помощи противоречивого сплава социальной работы и социальной педагогики с целью включения их в активные программы рынка труда, дополнительного образования и подготовки (ДПО) и проч. Социальные сервисы все в большей степени делегируются на субподрядной основе организациям добровольческого сектора или даже передаются частному сектору и жёстко контролируются с помощью новых режимов финансирования (сдельная оплата труда, оплата труда по качеству работы, краткосрочные контракты и т. д.). Такие меры оказывают влияние на получателей социальных услуг, поскольку предлагают включить их в тщательно продуманную деятельность, которой трудно противостоять и которая обещает развить их способности к самоуправлению в соответствии с требованиями рынка. Но дело не только в этом. Новая социальная политика создает также социальную напряжённость и предъявляет новые требования сотрудникам социальных сервисов, которым приходится балансировать между нехваткой средств, связанной с жёсткой экономией; обновленными профессиональными требованиями и ожиданиями/запросами клиентов.

Такие условия ставят новые задачи для критических исследований, поскольку индивидуализация и субъективация режимов социального обслуживания и социальной политики выходит за рамки проблем, вызванных де/коммодификацией социального обеспечения. Критические исследования до сих пор были посвящены изучению декоммодификации – т.е. социальных механизмов, с помощью которых режимы велфера, по крайней мере, частично защищали работников от негативных социальных последствий капиталистического накопления и рынков труда. Они выясняли, как социальная политика укрепляет традиционные формы семейных отношений, при которых мужчина является основным кормильцем, и насколько она позволяет женщинам защищать свои социальные права и работать на позициях, приносящих приличный заработок. Учитывая неоднозначность социальной политики в капиталистических рыночных обществах, эти исследования также показали, каким образом кейнсианские государства всеобщего благосостояния поддерживали формирующиеся модели экономического

“Переход к социальной политике, ориентированной на человеческий капитал, осуществляется в соответствии с мерами жесткой экономии. Это значит, что такая социальная политика получила развитие вместо удовлетворения более расширенных требований социальной защищенности, призванных обеспечить социальную сплочённость и интеграцию уязвимых социальных групп”

роста и потребления на Глобальном Севере с 1945 по 2008 год. С этой точки зрения, новые критические исследования должны изучать новые проблемы. Они должны рассматривать неолиберальные реформы в сфере социального обеспечения как стратегии вторичной коммодификации рабочей силы путём флексибилизации и либерализации рынка труда и режимов социального обеспечения, а также стратегии маркетизации социальной защиты.

Несмотря на то, что переход к жёсткой экономии и социальной политике, ориентированной на предложение, показывает, насколько они зависят от экономической динамики, более чем три десятилетия неолиберальных попыток перекроить режимы социального обеспечения и уменьшить социальные расходы на самом деле не привели к снижению общего уровня расходов в большинстве стран. Однако, это ничего не говорит нам о том, насколько достаточными являются те социальные услуги и пособия, на которые может претендовать нуждающийся гражданин. Скорее, можно сказать, что амбициозная реорганизация и реконфигурация режимов социальной политики нацелена на изменение прав и обязанностей, а также установок и действий индивидов и их семей в отношении оплачиваемой работы, воспитания детей, повышения квалификации и репрофессионализации, продуктивного и здорового образа жизни, культурных норм и т. д. По крайней мере, в Европейских странах, индивидуализация и субъективизация социальной политики привели к фрагментированной поляризации внутри национальных режимов социального обеспечения, а также между ними. Фрагментированная поляризация возникает в результате международного экономического дисбаланса и кризиса финансиализированного накопления, а также в результате доминирующих стратегий жёсткой экономии, введенных с целью преодоления последующих кризисов суверенного долга.

Фрагментарная поляризация внутри и между режимами социального обеспечения колеблется между мерами активизации занятости для тех, кто находится на нижнем уровне рынка труда, с одной стороны, и так называемыми стратегиями социальных инвестиций, с другой. Меры стимулирования занятости ориентированы на интегра-

цию трудоспособных безработных и бедных, а также других экономически неактивных людей, которые не имеют законных оснований (в отличие, например, от матерей) для уклонения от участия в рынке труда. В то же время растущее значение стратегии социальных инвестиций направлено на повторную легитимацию роли публичной политики путём поддержки так называемых производительных расходов и видов деятельности, которые улучшают динамику и конкурентоспособность экономики. Цель социальных инвестиций – постоянная адаптация и рекомпозиция навыков и компетенций индивидов, – то есть человеческого капитала – а также развитие системы учреждений по уходу за детьми. Однако последнее в меньшей степени нацелено на изменение гендерного разделения труда в домашнем хозяйстве, а в большей – на мобилизацию женщин для рынка труда.

Таким образом, вместо того чтобы менять экономические структуры для преодоления деструктивных и кризисных последствий накопления и маркетизации, эти политики сосредоточены на том, чтобы повлиять и адаптировать людей к требованиям глобальной конкуренции и всё более гибких и нестабильных рынков. Эти изменения представляют собой форму субъективизации антикризисного управления, которая требует от индивидов готовности и способности адаптироваться и улучшать свои навыки и компетенции, а также другие субъективные характеристики, которые считаются необходимыми для гибких и глобализированных рынков. Таким образом, задача преодоления разрушительных последствий кризиса финансиализированной экономики и структурных изменений ложится на плечи самих индивидов и ограничивает их возможности для развития собственных способностей. Кроме того, будучи обновленным вариантом той социальной политики капитализма, о которой писал Поланьи, эти тенденции передают индивидам задачи социального укоренения экономики и преодоления её негативного воздействия на общество. Это, в свою очередь, подрывает социальную сплочённость и интеграцию, создавая таким образом угрозу не только для национальных обществ, но и для Европейского союза в целом. ■

Адрес для связи: Роланд Атцмюллер <roland.atzmueller@jku.at>

> Поддержка семейной политики в Южной Европе

Сигита Доблыте, член ИК МСА по изучению бедности, социального государства и социальной политики (ИК19), **Ароа Техеро**, Университет Овьедо, Испания

Влияние культурных ценностей на государственную поддержку семей различается в социальных государствах Южной Европы.

Сегодня люди и социальные государства сталкиваются с проблемой удовлетворения потребности граждан в лучшем балансе траекторий работы и жизни. В то время как государства стремятся мотивировать женщин на участие в рынке труда и таким образом сопротивляться бедности, домашние хозяйства сталкиваются с трудностями, вызванными совмещением занятости и обязательств домашней заботы. Забота о детях может быть экстернализована рыночным структурам – хотя таким образом возникает новое финансовое бремя для родителей – или государственным сервисам, которые могут считаться более приемлемыми и соответствовать логике социальных инвестиций.

> Культурные ценности и обеспечение заботой

И все же социальные государства Европы существенно различаются в политике примирения семьи и занятости. В южноевропейских обществах, в особенности, доминируют консервативные культурные ценности и основную роль в обеспечении заботы играют семьи. В этих странах государства расходуют сравнительно меньше средств на поддержку семьи, чем в странах Северной и Центральной Европы и, как представляется, в меньшей степени

поддерживается семейная политика, нежели другие направления социальной защиты. В процентном отношении все бюджетные траты на поддержку семьи в этих странах ниже, чем в среднем по ЕС. Греция, Португалия и Испания входят в пятерку стран Европы, которые в 2016 г. тратили меньше всего на поддержку семьи. При этом данные социального опроса по средиземноморским странам – Италии, Португалии и Испании – показывают, что в этих обществах, в большей степени, чем в остальной Европе население поддерживает политику обеспечения семейно-трудового баланса, даже если она предполагает рост налогообложения.

Эмпирические исследования показывают, что отношение общества к мерам социальной политики часто формируются благодаря потребностям и интересам социальных групп. Так, например, семьи с маленькими детьми или возрастными группы, включающие потенциальных родителей, вероятно, выкажут большую поддержку развитию сервисов для семей. Некоторые исследования также подчеркивают, значимость культурных ценностей как драйверов аттитудов в отношении социальной политики и ее программ. Профессор социологии Гамбургского университета Биргит Пфау-Эффингер в своей статье «Государственные политики социальных государств и разви-

>>

тие режимов заботы» (2005) утверждает, что культурные представления о заботе и ответственности государства, семьи и рынка укоренены в общественных дискурсах и формируют режимы заботы и политику стран.

> Дивергенция стран Южной Европы

В своем исследовании мы поднимаем вопросы, сходные с теми, которые сформулировала проф. Пфау-Эффингер. Мы выясняем значимость потребностей и культурных ценностей в формировании общественной готовности повысить налогообложение для получения лучших услуг, адресованных семьям в странах Южной Европы, где уход и забота осуществляются традиционно усилиями семьи, но при этом наблюдается рост участия женщин на рынке труда и растут потребности участия других акторов в организации заботы о зависимых членах семьи. Проанализировав данные Европейского социального опроса, мы утверждаем, что в Южной Европе существуют неудовлетворенные потребности в заботе, свидетельством которых являются высокие показатели поддержки политики улучшения услуг для семьи. Однако данные демонстрируют дивергенцию паттернов влияния потребностей и интересов групп и культурных моделей заботы в странах Южной Европы. Хотя социальные государства Южной Европы часто относят к фамилистскому типу по критерию предпочтения традиционных гендерных ролей и семейных ценностей, данные наших исследований показывают, что между ними есть существенные различия. В одних странах существует больше возможностей для поддержки семей социальными сервисами, чем в других. Обратимся к конкретным примерам.

Португалия характеризуется чрезвычайно высоким и нормализованным уровнем участия женщин на рынке труда (в особенности матерей). Это обстоятельство объясняет высокие и постоянные показатели уровня солидарности мужчин и женщин, принадлежащих к разным социально-экономическим классам и образовательным группам, в поддержке социальной политики поддержки семей. Эта поддержка существует независимо от различия в культурных ценностях и является более выраженной среди представителей старших поколений. Все данные показывают, что в стране есть выраженная потребность в более щедрой государственной семейной политике.

Итальянский случай отличается от португальского. В этом обществе поддержка семейной политики различается в разных социальных группах. Менее привилегированные социальные классы, занимающие низкие позиции на экономической лестнице, демонстрируют более низкий уровень поддержки семейной политики, что возможно, объясняется относительно высоким налоговым бременем итальянских граждан. Данные по Италии также демонстрирует выраженное влияние культурных ценностей, хотя направленность этого влияния не вполне соответствует ожиданиям. Респонденты, которые отдают предпочтение традиции и конформизму, и те, кто разделяет ценности социальной справедливости, равенства и

всеобщего характера социальной помощи, демонстрируют низкий уровень поддержки политики, ориентированной на лучший баланс семьи и работы.

Возможно, неожиданный эффект ценностей, которые считаются априорно близкими логике социального государства, объясняются более высоким налогообложением в Италии, где рост налогов может рассматриваться как угроза доходам домохозяйств и таким образом противоречит преобладающим ценностям. Иными словами семья, скорее всего, до сих пор может рассматриваться как наиболее адекватная институция заботы и ухода, а ценности социальной справедливости или равенства могут выражаться в поддержке политики защиты семейных доходов в большей степени, чем в поддержке системы бюджетных учреждений дошкольного воспитания. Действительно, Исследование европейских ценностей (панель 2017 г.) демонстрирует, что в Италии доминируют традиционные семейные ценности: 52% респондентов полностью или в основном согласны с утверждением, что дети страдают, если их мать работает. Эти цифры составляют лишь 26% в Испании.

Данные по Испании показывают, что эта страна в меньшей степени поддерживает отчетливо традиционные гендерные и семейные культурные паттерны. В Испании респонденты, придерживающиеся ценностей социальной справедливости, равенства и социального государства в большей степени готовы платить налоги для улучшения семейных сервисов. При этом приверженность традиции и конформизм не оказывают значимого влияния на поддержку социальной политики. Более того, высокий уровень поддержки родителей с маленькими детьми и относительно низкая доля детей до трехлетнего возраста, охваченных услугами детских дошкольных учреждений, показывают, что у жителей этой страны существуют неудовлетворенные потребности в заботе о семьях с маленькими детьми. При этом респонденты, которые живут в стесненных экономических условиях, и жители крупных городов демонстрируют более низкий уровень солидарности по этому вопросу.

Итак, мы приходим к следующим выводам. Если данные по Португалии показывают, что семьи могут стать сильными акторами и добиться необходимого для них улучшения семейных сервисов, Испания и, особенно, Италия демонстрируют другую картину. Другие социальные институты, например предприниматели, возможно, начнут играть более существенную роль как провайдеры услуг по заботе о детях или предоставляя гибкий график работы родителям маленьких детей. Отметим, что такие возможности все еще недостаточны в Южной Европе, хотя их спектр и объем расширяется. Однако неравенство в доступе к такой социальной поддержке угрожает принципам социального инвестирования. ■

Адреса для связи:
Сигита Доблыте <doblytesigita@uniovi.es>
Ароа Техеро <tejeroaroa@uniovi.es>

> Волонтерство в Германии:

труд на благо общества или теневая экономика?

Зильке ван Дайк и Тине Хаубнер, Университет Фридриха Шиллера в Йене, Германия

Необходимые социальные сервисы слишком часто отдаются на откуп волонтерам. Фото: Маттиас Зомер (pexels.com).

В настоящее время мы переживаем кризис заботы и социального воспроизводства, вызванный распадом государства благосостояния, новыми потребностями, обусловленными демографическими изменениями и изменением гендерных и семейных отношений. В наше время, когда все меньшее число женщин готовы быть ресурсом социальной политики на условиях полной занятости, потенциал заботы, предоставляемой в виде неоплачиваемого труда, – как в семье, так и во внесемейном формате – становится все более значимым и получает растущую поддержку государства. Граждан призывают к служению общественному благу. Гражданская вовлеченность и добровольчество рассматриваются как ресурсы (вос)производства, а волонтеров называют героями повседневной жизни.

На этом фоне мы провели социологическое исследование в Западной и Восточной Германии с целью изучения того, как используется волонтерская работа и как ее эксплуатирует государство для обеспечения граждан услугами и заботой-уходом. Нам также интересны опыт, интерпретации и форматы волонтерства, представленные самими добровольцами и теми, кому они предоставляют услуги и помощь. Хотя проведено большое число в основном аффирмативных исследований, посвященных различным полям активизма и благотворительности, политэкономия волонтерства, которая систематически критически осмысляет политические, экономические и социальные последствия этой практики, не получила должного развития. Мы используем термин «теневая экономика», чтобы описать этот контекст, потому что имеем дело со

>>

сферой неформальной работы в социальном секторе, которая создает стоимость за пределами регулярной занятости, сопровождаемой социальными выплатами (посредством часов неоплачиваемого труда). Практически говоря, мы хотим выяснить до какой степени содействие волонтерству, спрос на него и использование добровольческой работы государством приводит к развитию процессов замещения, неформализации и депрофессионализации регулируемой формальной занятости.

В данном случае термин «замещение» обозначает процесс, благодаря которому те виды деятельности, которые ранее выполнялись в сфере формальной занятости, перемещаются в контекст добровольческой работы. В нашем исследовании есть примеры, иллюстрирующие такой процесс. К ним относят случаи продленного дня в школах, где добровольные «молодые товарищи» компенсируют нехватку учительского внимания, или случаи, когда волонтерская помощь семье замещает помощь государства. Мы также обнаружили новые эмергентные потребности, которые удовлетворяются не за счет расширения формальной занятости, а порождают новые формы активизма в таких сферах, как уход за старшим поколением. В дополнение к этим формам прямого замещения формализованного труда, которые препятствуют экспансии регулярной занятости, наше исследование демонстрирует дальнейшие эффекты замещения, которые выражаются, например, в эрозии семейной заботы и нехватке подготовленных работников (среди сиделок, помощников по уходу и в сфере юридических услуг).

Хотя волонтерство и гражданское участие обычно высоко оцениваются обществом, мы наблюдаем тенденцию депрофессионализации в этой сфере. Плохо обученные рядовые граждане на самом деле берут на себя профессиональные задачи в сферах образования, помощи семье, ухода за пожилыми, на курсах немецкого языка для беженцев или предоставляя услуги юридического консультирования. Такие непрофессиональные услуги в основном предоставляют низко ресурсным категориям граждан, которые не могут компенсировать нехватку государственного обеспечения и купить искомые профессиональные услуги в частном секторе. Таким образом, использование и эксплуатация добровольчества со стороны социального государства не в равной степени затрагивает граждан. Скорее можно наблюдать возникновения «ограниченных услуг для бедных людей», которые не могут позволить себе профессиональную помощь.

Однако проблематичными могут быть не только качество предоставляемых волонтерами услуг, но также условия, в которых работают волонтеры. В некоторых сферах они становятся квази-наемными работниками, которые при этом не имеют социальных прав. Особенно в тех сферах деятельности, где необходима надежность волонтеров, их стабильность и опытность – в сфере ухода за пожилыми, в работе с людьми с ограниченными возможностями или в предоставлении услуг продленного дня – все большую роль играют так называемые волонтерские контракты, предполагающие выплаты накладных расходов. Эти выплаты обычно гораздо ниже минимальной оплаты труда и являются недостаточными даже для покрытия

расходов связанных с добровольчеством. Кроме того, они подрывают стандарты коллективных договоров для наемных работников. Таким образом, добровольчество, которое все мы так высоко ценим, вносит свой вклад прекаризации и информализации работы, по крайней мере, в некоторых сферах социального обслуживания, в развитии которых заинтересовано все общество.

В Восточной Германии, в особенности, гражданская вовлеченность и волонтерский труд тесно связаны с рынком труда, т.е. часто выполняются безработными, которые надеются вернуться на рынок труда. Материалы интервью с волонтерами и экспертами показывают, что гражданское участие часто воспринимается как замещение оплачиваемой работы. Еще один важный результат нашего исследования – анализ деятельности центров занятости, которые часто посылают долгосрочно безработных на объекты, где необходима помощь волонтеров. Исследование продемонстрировало еще одно важное различие между новыми (Восточная Германия) и старыми (Западная Германия) федеральными землями. В Западной Германии монетизация добровольчества рассматривается крайне критично, поскольку – согласно широко распространенному взгляду – это наносит ущерб природе и самому существованию волонтерства. В Восточной Германии дело обстоит иначе. В этих землях ФРГ денежные компенсации за волонтерство считаются легитимными и не проблематизируются. Они воспринимаются как достойная оплата за каждый день работы. Наследие ГДР сказывается в том, что волонтерство понимается как труд. В ГДР добровольный труд регулировался государством, были широко распространены практики неформальной соседской помощи и солидарности, но не существовало концепта и практики гражданского участия.

Наше исследование изучает крайне разнообразные сферы гражданской активности и работы волонтеров: помощь беженцам и соседям, уход за пожилыми, добровольчество в школе, пожарные бригады, помощь и уход за пожилыми в многопоколенных домах, предоставление локальных транспортных услуг и проч. Во всех этих сферах проявляются как проблемные, так и абсолютно беспроблемные тенденции. Обсуждая проблемные характеристики, мы обращаем внимание на сферу социального воспроизводства, которую мы называем «коммунитарным капитализмом» (“community capitalism”), при котором местные сообщества (за пределами семьи) все в большей мере становятся ресурсами преодоления кризисов воспроизводства. Критический анализ государственного использования волонтерской работы не предполагает, что государство должно взять на себя все (социальные) задачи без исключения. Обсуждая тренд передачи общественных услуг и инфраструктуры в ведение волонтерской работы, мы считаем рискованным, когда основные возможности жизнеобеспечения становятся зависимыми от добровольной поддержки, а не от гарантированных социальных прав. ■

Адреса для связи
Зильке ван Дайк <silke.vandyk@uni-jena.de>
Тине Хаубнер <tine.haubner@uni-jena.de>

> Сохранит ли ЕС своё социальное основание?

Беатриче Карелла, Нормальная Высшая школа (Флоренция, Италия)

Документ «Основы европейских социальных прав» подписан в ноябре 2017 г. Этот документ является передовой социальной инициативой Европейской комиссии. Изображение взято с сайта Еврокомиссии.

Президенты Европейского Парламента, Европейской Комиссии и Евросовета 17 ноября 2017 года совместно подписали политическую декларацию, закрепляющую действие социальных принципов, которые лежат в основании Евросоюза и которые называются социальными основами европейских социальных прав (СОЕСП, *EPSR*). Этот документ стал флагманской социальной инициативой Комиссии, возглавляемой Жаном-Клодом Юнкером, который вернул в дебат о будущем социальной интеграции понятие «социальной Европы». Президент Юнкер, вступивший в должность в 2014 году, изменил дискурс о социальном измерении европейской интеграции. Новая комиссия продолжила политику подотчетности стран Евросоюза в отношении продуктивности социального государства и социальной политики, но, с другой стороны, она открыто сформулировала необходимость переосмысления будущей политики и ее социальных последствий не только в отношении экономики и рынков труда, но и в отношении таких целей, как социальное равенство, справедливость и инклюзия.

> Длительный и противоречивый процесс согласования формулировки

Инициатива СОЕСП была озвучена в обращении Президента Евросоюза Юнкера в сентябре 2015 года в рамках обновленного нарратива и в стремлении положить конец прежним паттернам политики ЕС. Это произошло в контексте полностью реализующихся мер затягивания поясов. После заявления последовал двухлетний период выработки формулировки. В марте 2016 года Комиссия опубликовала черновой вариант документа, а затем открыла чрезвычайно длительный и широкий процесс общественных консультаций, который продолжался до конца года. Проведение консультаций демонстрируют попытку стимулировать низовую вовлеченность различных стейкхолдеров в формулировку текста. Общественная доступность докладов и стенограмм общественных слушаний и дебатов, позволяет изучить, каким образом в финальном документе отображаются различные приоритеты. Анализ дискуссий является ключом понимания возможного будущего заявленной инициативы.

>>

Исследования общественных консультаций демонстрируют высокую степень разнообразия требований различных участников процесса выработки формулировки. Чаще всего обнаруживается разделение между двумя основными группами акторов. С одной стороны, организации гражданского общества, конфедерации профсоюзов и Европейский Парламент подчеркивали необходимость обеспечить «базовый уровень социальной защиты», гарантирующий соблюдение гражданских и трудовых прав граждан Евросоюза в случае экономических потрясений. Они же требовали обеспечить лучший баланс между гибкостью и безопасностью трудовых рынков и призывали также к использованию разнообразных политических инструментов для реализации СОЕСП, таких как разработка нового законодательства ЕС и финансирование этого процесса. С другой стороны, ассоциации предпринимателей и наемных работников, а также некоторые страны – члены ЕС, выразили озабоченность самим фактом акцентирования внимания на вопросах социальной инклюзии и защиты (которые не связаны непосредственно с функционированием рынка труда) и жестко выступили против принятия нового законодательства и финансирования механизмов социальной сферы. Эта группа акторов продвигала идеи дальнейшей интеграции лишь на основании координационных инструментов «мягкой» политики и на основе принципов субсидиарности.

> Символическая значимость документа

Анализ финального документа показывает, что Комиссии удалось выстроить баланс между различными взглядами на перспективы социальной политики Евросоюза. На дискурсивном уровне институты ЕС демонстрируют изменение нарратива о социальных аспектах ЕС. В документе сейчас отсутствуют какие-либо отсылки к мерам жесткой экономии; но также в нем не встречается понятие «социальные инвестиции» (которое использовалось, например, в «Пакете социальных инвестиций 2013 г.»). Документ открыто обращается к понятиям защиты прав и рассматривает социальную инклюзию и равенство как самостоятельные цели. В этих формулировках воплощаются требования организаций гражданского общества и профсоюзов. Однако описание инструментов, которые должны привести документ в действие, соответствует позиции, сформулированной бизнес сектором и некоторыми государствами – членами ЕС. Среди инструментов названы лишь меры мониторинга и не связывающей подписантов координации. Хотя финальный документ в целом был хорошо воспринят всеми разнообразными акторами, результатом инициативы стал политический декларативный документ, в котором перечислены несколько принципов и ориентиров, признаваемых тремя основными институтами Евросоюза. Единственной политической инновацией стал новый набор социальных показателей (социальная шкала), которая должна быть мягко интегрирована в общую макроэкономическую архитектуру координации действий стран-участников. Добавленная стоимость документа носит символический характер, а потенциал реализации предлагаемых изменений в социальной политике ЕС зависит от политической воли акторов, которые будут их реализовывать.

Результаты выборов в Европарламент и назначение новой коллегии Комиссии ЕС в 2019 г. показывают, что картина в этом отношении не является слишком обнадеживающей. На уровне ЕС создается впечатление, что и бюрократы, и политические группы признают значимость социальных проблем наднационального уровня. На выборах в Европарламент европейские партии в своих заявлениях позиционировали социальную сферу либо как крайне актуальную, либо как ставшую более значимой, чем в 2014 году. Такая позиция особенно явно выражена в заявлениях Партии европейских социалистов, Партии Зеленых, Свободного Европейского Альянса (последние партии в своих электоральных программах прямо упоминают СОЕСП). Более того, новый Президент Еврокомиссии Урсула ван дер Лейден также прямо назвала СОЕСП в своей инаугурационной речи и упомянула о необходимости выработки Плана действий для реализации заявленных в документе принципов. Однако при реализации социальной инициативы решающей является роль отдельных государств – членов ЕС, точно так же, как она была определяющей в формулировке и принятии финальной версии документа. Именно поэтому необходимо проанализировать, как социальная повестка развивается на национальном уровне.

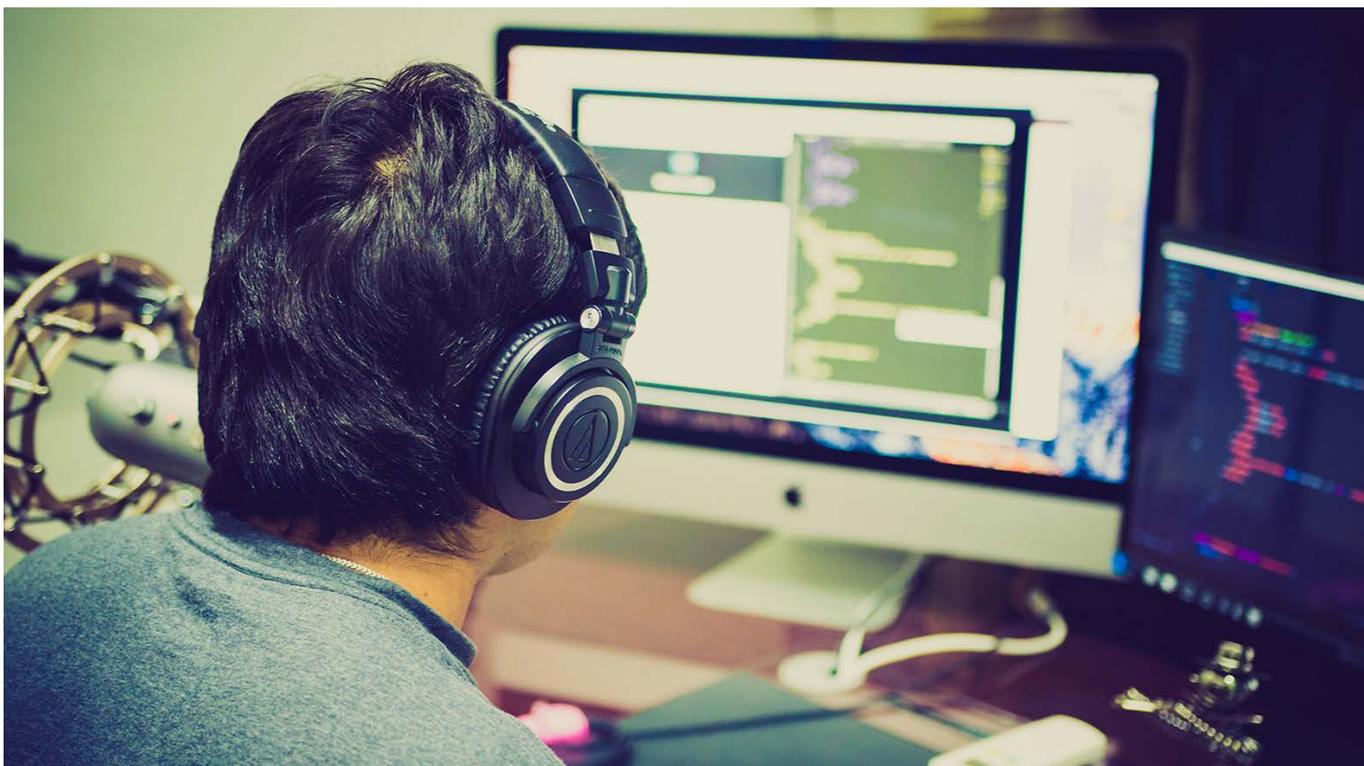
> Роль государств – членов ЕС: случай Италии

При подготовке к выборам в Европарламент в Италии «Социальные основания европейских социальных прав» не упоминались в общественной дискуссии и в заявлениях политических акторов. Те партии, которые ратовали за усиление социальной политики ЕС (такие, как +Европа/ALDE и Зеленая Европа/*Europa Verde*, а также *La Sinistra*) потерпели поражение на выборах. Программы этих партий также содержат требования, прямо повторяющие основные направления тех партий ЕС, которые им родственны по идеологии. Во время электоральной кампании они поднимали вопросы, которые были релевантными и на национальном, и на общеевропейском уровне. Несмотря на то, что последние выборы в Европарламент в большей степени были ориентированы на национальные повестки, чем на общую европеизацию и не только в Италии, но во всех остальных государствах-членах ЕС, итальянский случай, возможно, не является наиболее репрезентативным в отношении конечных электоральных результатов. На самом деле, такие партии, как Зеленые и +Европа (ALDE и EFA), стоящие на позициях проевропейской интеграции, в целом получили новые голоса в Страсбурге, что поможет противостоять голосам националистов и евроскептиков. Однако в сфере социальной политики, где роль государств – членов ЕС все еще является решающей, высокий уровень политической фрагментации, который наблюдается в Европарламенте, делает будущее социальных прав в ЕС еще более неопределенным. В то же время такой расклад может создать возможности для наднациональных акторов, в особенности для новой Комиссии ЕС, и способствовать развитию усилий по интеграции по социальным вопросам на основании СОЕСП – документа, принятого членами Еврокомиссии прошлого призыва. ■

Адрес для связи: Беатриче Карелла <beatrice.carella@sns.it>

> Искусственный интеллект: чей он на самом деле?

Паола Тубаро, Национальный центр научных исследований, Университет Париж-Сакле, Франция

Только благодаря реальным людям искусственный интеллект становится «умным». Фото: Хитеш Чаудхари (pexels.com).

Поразительные успехи современного искусственного интеллекта (ИИ) опираются на «микроработу» множества реально действующих мужчин и женщин. Они прикрепляют тэги к изображениям, транскрибируют рекламные рецепты, переводят фрагменты текста и записывают свой голос, читая вслух короткие предложения. Будучи простыми и постоянно воспроизводимыми эти задачи не требуют высокой квалификации от своих исполнителей и оплачиваются всего несколькими центрами. Работники не оформляются официально, являются просто субконтракторами и оплачиваются сдельно; они постоянно выполняют конкретные задания на своих смартфонах или компьютерах, пользуясь специализированными сайтами.

Каким образом эта теневая армия работников поддерживает ИИ? Рассмотрим пример устного помощника, который поддерживается технологиями ИИ, например, Алексу или Сири. Прежде чем научиться распознавать просьбы

пользователей, голосовой помощник должен получить возможность ознакомиться со многими примерами человеческой речи, например, с ситуациями, когда люди задают вопросы о погоде. Машина должна «выучить», что все эти формы вопросов имеют одно и то же значение, несмотря на различия в тембре голоса, интонациях, акцентах и наличие фонового шума. Это необходимо, чтобы в дальнейшем голосовой помощник смог распознавать сходные запросы пользователей. Микроработники, таким образом, совершенно необходимы для производства таких примеров, для записи голосов, задающих вопросы о погоде. Производители ИИ также полагаются на микроработников в тестировании своих «умных» помощников и контроле их функционирования.

В начале 2000-х гг. компания *Amazon* популяризировала микроработу, введя услуги «механического турка». Первоначально это устройство использовалось для внутреннего обслуживания, с помощью которого работники могли

>>

формировать списки продуктов. Затем компания открыла доступ к этому сервису для своих внешних клиентов, которые могли формулировать ЗИИ (задачи искусственного интеллекта), которые должны были выполнять внешние микроработники. Компания *Amazon* назвала свое устройство «искусственный искусственный интеллект», подчеркивая таким образом, что лучшим решением является аутсорсинг задач людям в тех случаях, когда они могут их выполнить более эффективно, чем компьютеры. Сегодня все большее число вебсайтов и приложений следуют примеру *Amazon* и предлагают его вариации. По тому же пути следуют такие фирмы, как австралийская *Appen*, немецкая *Clickworker*, американские фирмы *Lionbridge* и *Microworkers*.

Где же находятся микроработники, которые участвуют в создании ИИ? Поскольку ряд задач могут быть выполнены онлайн и не требуют личного присутствия работников в конкретном месте (например, в тех случаях, когда они должны обводить кружочками помидоры на изображениях салатов), некоторые работники проживают в странах, где цены на труд являются низкими. В этом отношении география микроработы возрождает хорошо известные паттерны аутсорсинга труда. При этом существуют задачи, которые требуют обращения к локальному знанию или навыкам и не могут быть выполнены в режиме офшора. Так, например, запись фраз для голосового помощника требует, чтобы работники знали язык и могли воспроизводить акценты и диалекты, характерные для тех стран, где продается это устройство. Работники, обслуживающие «механического турка», базируются в США. Вместе с группой коллег мы запустили во Франции исследование под названием «Трудовые ресурсы цифровых платформ» (ТРЦП). В этой высокоиндустриализованной стране занято множество микроработников.

Кто же занят на микро-работе во Франции? Это не только студенты или миллениалы, как показывает наше исследование. Более 60% французских микроработников – это люди в возрасте от 25 до 44 лет, которые имеют основную работу в дополнение к выполнению онлайн заданий. Они (к примеру) работают в сфере медицинских услуг, образования, секторе госуслуг. Они используют микроработу как дополнительный источник дохода. Ирония заключается в том, что, несмотря на то, что микроработа требует весьма ограниченной квалификации, микроработники в целом отличаются более высоким уровнем образования, чем в среднем по Франции. Более 40% имеют, по крайней мере, незаконченное высшее образование. Немного более половины всех французских микроработников – это женщины, часто семейные. Они с большей степенью вероятности являются частично занятыми, более часто экономически зависят от дохода своих супругов и больше времени посвящают домашнему труду. Они используют все перерывы в домашних и трудовых делах для выполнения онлайн микроработ. Все микроработники позитивно оценивают дополнительные заработки, но в качестве издержек отмечают, что выполняемые ими задания являются дополнительной нагрузкой наряду с официальной занятостью и домашней работой, а значит, оставляют мало времени на досуг.

Микроработа обнаруживает широко распространенную, но скрытую проблему экономической уязвимости. Более 20% французских микроработников проживают в домо-

хозяйствах, которые находятся за чертой бедности, члены которых получают половину медианного дохода. Для сравнения отметим, что в целом по стране в таких условиях проживает лишь 10% населения. На этом фоне микроработа онлайн может рассматриваться как попытка совладания с бедностью. Большинство респондентов ответило, что одной из причин обращения к микроработе является материальная нужда. Тем не менее, средний месячный доход микроработника во Франции (на всех цифровых платформах) распределен крайне ассиметрично. Большое число «случайных» микроработников, которые получают задания лишь время от времени, получают в месяц менее 21 евро. Небольшое число «очень активных работников умудряются зарабатывать до €1500-2000 в месяц, если они работают в режиме полной нагрузки (или почти так).

Очевидно, что микроработа обладает потенциалом, по крайней мере, частичной поддержки людей, у которых мало возможностей трудоустройства в условиях стандартного рынка занятости или нуждаются в гибком графике (потому, например, что выполняют обязательства по домашнему уходу). Надо не забывать, что микроработа порождает специфические риски. Такая занятость не гарантирует никакой социальной защищенности, она не предполагает социальных выплат по состоянию здоровья или пенсионных отчислений. В настоящее время нет возможности учитывать опыт микроработы в развитии карьеры. Так, например, репутация, заработанная на одном веб-сайте, не становится трансфертом для другого. Психологически микроработа может быть удручающей. Если, как это часто случается, микроработники не знают клиентов или не знакомы с целью, на достижение которых направлены задачи, которые они выполняют, их деятельность лишается смысла. Так, например, одна из наших респонденток, не отдавая себе отчета в том, что она принимает участие в создании ИИ, отметила: «Совершенно непонятно, зачем меня просят обводить кружками помидоры, изображенные на картинках». В дальнейшем, если выполненные задания почему-либо отвергаются заказчиком (а значит, их работа не оплачивается) микроработники не имеют возможности апелляции и не могут выяснить, почему их работа не была принята. Более того, микроработники действуют изолированно друг от друга. Они выполняют микроработу на дому, у них нет офисного пространства для кофе, веб-сайты не создают для них цифрового пространства, в рамках которого они могли бы взаимодействовать, хотя бы в онлайн-режиме. Для создания подобной инфраструктуры необходима инициатива активистов или профсоюзов.

Поскольку выполнение микроработ способствует развитию самых современных индустрий ИИ, а микроработа выполняется в основном людьми, находящимися в ситуации уязвимости, важно серьезно обсуждать перспективы принятия решений в этой области. Сайты микроработы и приложения могут помочь в том, что принятие решений станет более прозрачным; появятся новые сетевые ресурсы заработка и будет разработана служба поддержки микроработников. Однако профсоюзы и политики могут сделать гораздо больше для разработки новых форм защиты труда нетипичных работников. ■

Адрес для связи: Паола Тубаро <paola.tubaro@lri.fr>

> Музей великих новшеств

Левио Скаттолини, Университет штата Рио-де-Жанейро, Бразилия

Криптовалюты приносят надежду на создание более демократической финансовой системы. Фото: Worldspectrum (pexels.com).

Те, кто выражает сомнения по поводу цивилизационных достижений современного капитализма, с подозрением относятся к обещаниям, связанным с технологиями, так называемой цифровой или информационной эпохи. Искусственный интеллект, машинное научение, большие данные, Интернет вещей (ИВ), блокчейн, криптовалюты и даже смартфоны, новые продолжения наших тел и душ, рассматриваются не только как знаки нового времени, но также как механизмы, закрывающие перспективы будущего для человеческого общества. Попытки разработки этой гипотезы и даже приводимые доказательства того, что это случится, не помогают ответить на более глубокий и более древний вопрос: *почему мы постоянно наблюдаем, как новые решения и структуры отдаляются*

от тех идеалов, которые их породили и приводят лишь к восстановлению прошлого, но в новом формате?

Можно по-разному подходить к рассмотрению этого вопроса. Я хочу обратиться к феномену весьма конкретному и современному, анализ которого выявляет социальные корни, которые обычно игнорируются при обсуждении. В сфере идей, первая криптовалюта, получившая широкое хождение, а именно биткойн, могла бы рассматриваться как средство протеста против невероятных злоупотреблений, которыми пронизана деятельность финансовой системы. Эти злоупотребления поощряются и поддерживаются всеми государствами мира, и именно они породили экономический кризис 2008 года.

>>

И действительно, в знак протеста отчет газеты *Times*, объявивший о намерениях правительства Великобритании выпустить второй транш помощи банкам 3 января 2009 года, был инскрибирован в биткойн как современное доказательство его запуска. Но дело не только в этом. Архитектура технологии была спроектирована таким образом, чтобы изъять власть по контролю над финансовой системой из рук «посредников» и передать ее простым людям, т.е. общественности (публике).

Проблема традиционной финансовой системы заключается в том, что она фундаментально зависит от доверия к централизованным институциям как в отношении валидации транзакций, так и в отношении выпуска валюты. Другими словами именно финансовые учреждения, такие как частные и центральные банки, гарантируют, что *A* обладает определенной суммой денег, а после того, как передаст эту сумму *B*, больше не может ее использовать. Мы делегируем власть финансовым институциям, чтобы они выполнили соответствующие задачи и надеемся, что они сделают это наилучшим образом. Хотя сегодня чаще всего финансовые банковские действия остаются оккультным знанием, дистанцированным от повседневности, доверие является решающим фактором управления полисом, особенно в условиях социальной формации, в которой все производится для обмена и, в конечном счете, ради денег.

В этом смысле возможность создания децентрализованной сети гроссбухов, вход в которую открыт для любого, кто хочет принять участие в финансовых транзакциях, где транзакции могут быть записаны и валидированы с помощью механизма создания консенсуса между всеми узлами сети, кажется вполне адекватной и интересной идеей.

Такая финансовая деятельность представляется еще более адекватной, если мы примем во внимание следующие обстоятельства. Такая сеть является по преимуществу толерантной (то есть может нормально совершать операции, если один из ее узлов прекратит действовать), обладает встроенной системой выпуска валюты (ограниченной суммой в 21 млн биткойнов), позволяет людям осуществлять транзакции почти мгновенно из любой точки, где существует доступ в интернет, и до сих пор работает, несмотря на массивное давление своих противников, которые не смогли нанести ей существенный ущерб в течение более чем одиннадцати лет функционирования. Надо отметить, что архитектура координации системы распределения, которая лежит в основе биткойна, настолько хороша, что она превратилась в самостоятельную технологию и привела к созданию целого ряда других приложений, которые получили название блокчейна.

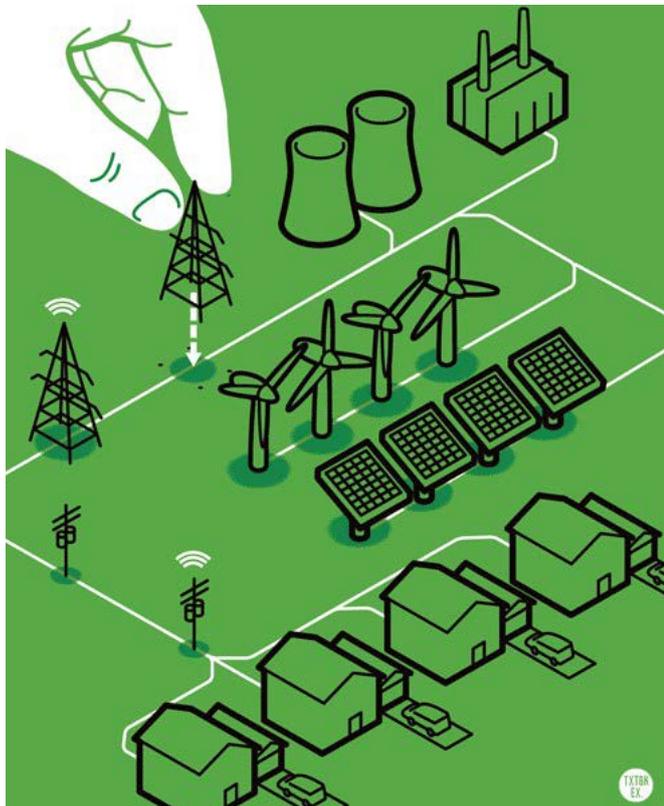
В 2019 году рыночная цена биткойна достигла 225 млрд долларов и включала 120 млн транзакций в год, зафиксированных в собственной цифровой сети. Можно ли заключить таким образом, что эта сеть совершает революционные преобразования в финансовой системе и передает власть простым людям? Нет, дело обстоит не так просто. После турбулентного и неопределенного начала, с 2014 года финансовые институции, корпорации и большие игроки финансового рынка изменили свой подход к криптовалюте и стали массово инвестировать в ее изучение и развитие. Реальность просила вызов идеалу, согласно которому обычные пользователи со своими персональными компьютерами составят большинство сети и будут контролировать ее. В настоящее время поисковые работы в биткойне контролируются огромными «фермами» - этим термином обозначаются большие сложные компании, в распоряжении которых находится техника, энергия и ресурсы, - которые можно назвать капиталами - позволяющими лучше обрабатывать «доказательные работы». И, наконец, стоит упомянуть недавние объявления в Фейсбуке, о том, что вместе с крупнейшими мировыми корпорациями и финансовыми институциями эта крупнейшая социальная сеть собирается создать собственную криптовалюту - мудро названную «либра» - для того, чтобы достичь той цели, которую поставил биткойн и другие криптовалюты - сделать ее массовой. Это означает, что мы находимся на пороге создания крупнейшей платформы социальных медиа, которая неправомерно использовала данные миллиардов людей в течение более десяти лет. Теперь в альянсе с основными корпорациями Фейсбук создает впервые в истории общества настоящий глобальный банк, который находится в частом владении и содержит всю полноту знаний о своих пользователях.

Теперь мы можем обратить внимание на значимость критического анализа как средства, способного адекватно ориентировать наши действия в мире. Прагматический диагноз, показывающий, что проблемы действующей финансовой системы в существенно степени определяются доверием к централизованным институциям, которые выполняют роль посредников. При этом возникает прагматическое решение реформирования этой системы и создания децентрализованной «сети доверия». Но что если проблема нашей финансовой системы порождена не ее *формой*, а самим ее *содержанием*? Я хочу спросить, возможно ли создать «общество без посредников», полагаясь на самое значимое средство социального посредничества, характерное для нашего времени - полагаясь на деньги? Разве не деньги в первую очередь сделали необходимым создание централизованных институций их верификации их рост? Разве не внутренняя логика беспредельного денежного накопления порождает концентрацию и централизацию? ■

Адрес для связи: Левио Скаттолини <leviosj@gmail.com>

> Что необходимо для устойчивой цифровизации общества?

Феликс Зюльманн-Фауль, Германия

Источники возобновляемой энергии предполагают цифровизацию, необходимую для ее умного распределения. Иллюстрация: Джеймс Провост (Flickr). Некоторые права сохранены.

О том, что мы живем в эпоху цифровизации, свидетельствуют многие вещи. Вот, например, магазин звукозаписей. Бывало, мы слышали что-то по радио или по совету друга отправлялись в магазин звукозаписи и покупали носитель с музыкой. Этот материальный предмет становился нашей собственностью. Теперь это вчерашний день! Сервисы настроек, основанные на бизнес модели цифровой платформы, обеспечивают доступ к миллионам песен и замещают старый магазин звукозаписи. Существенно изменилась и музыкальная индустрия. Теперь данные становятся центральным средством производства. Бизнес модель платформы собирает много информации о своих пользователях. Например, ее алгоритм «знает», какой музыкальный жанр мы слушаем, когда как часто и где. Более того сохраняется информация о том, какой у нас гендер, есть ли дети, где мы живем, каков доход нашего домохозяйства.

Именно эта информация делает успешными большинство платформ. Они знают наши предпочтения и attitudes и могут предсказывать наше поведение. Их сервисы привлекательны потому, что они адаптируются к нашим

индивидуальным предпочтениям. Платформы также продают собранную информацию рекламным агентствам, которые сейчас имеют возможность предлагать лично ориентированные продукты потребления. Сегодня цифровизация означает, прежде всего, следующее – сильную связь между капитализмом и технологией.

Это непосредственно связано с тем фактом, что цифровизация часто не сочетается с устойчивостью. В 1987 г. в знаменитом Отчете Брундтленда, адресованном ООН, дается следующее определение: «Устойчивым называется такое развитие, которое отвечает потребностям настоящего и при этом не ограничивает возможности будущих поколений удовлетворять собственные потребности». Таким образом мы сами, наши дети и дети наших детей должны иметь шансы прожить «хорошую жизнь». Но что это значит? Это, несомненно, вопрос культуры. В западном обществе, которое находится под влиянием идей гуманизма и просвещения, представление о хорошей жизни опирается на такие ценности, как основные демократические права, самоопределение, разнообразие, приватность, удовлетворительная окружающая среда и «свобода» - что бы ни скрывалось за этим словом. Тем не

>>

менее, многие из этих понятий изменились под влиянием цифровизации, движущей силой которой, не в последнюю очередь, являются экономические интересы. Приватность, например, не может быть гарантирована теми платформами, успех которых зависит от потребности узнать о нас все возможное. Более того, хорошая окружающая среда никогда не являлась целью экономического интереса, и в цифровую эпоху ничего в этом отношении не изменилось.

Цифровизация предполагает производство устройств и инфраструктур, добычу и транспортировку сырья. Простое использование цифровых устройств потребляет объем электроэнергии, который составляет 10% всего глобального спроса на электричество. Если скорость распространения этого тренда сохранится, то в 2025 году эта доля достигнет 20%. Соответственно производство и потребление информации и коммуникационных технологий составляет 3,7% эмиссии CO₂, произведенной человеком; в 2025 году эта цифра достигнет 8%. Добыча сырья создает огромные проблемы устойчивого развития для стран, где она происходит. Выразительный пример в этом отношении представляет Демократическая Республика Конго. Конго является крупнейшим поставщиком таких элементов, как вольфрам, тантал, олово, кобальт и золото. Эти минералы незаменимы для строительства цифровых устройств. Добыча полезных ископаемых порождает известные экологические проблемы, такие как эрозия, отравление подземных вод, истребление видов. Однако проблемы социального уровня еще тяжелее. Страну сотрясает кровавая гражданская война. Миллионы гражданских лиц страдают от действий различных военизированных группировок, которые ведут эту войну уже более тридцати лет. Шахты, на которых идет добыча минералов, незаменимых в эпоху цифровизации, находятся в руках воюющих сил, которые покупают себе оружие, продавая эти минералы. Именно поэтому их называют «конфликтными минералами». Еще более страшные последствия – голод, сексуальное насилие, болезни, современное рабство, дети-солдаты.

Однако есть и хорошие новости. Некоторые области устойчивого развития поддерживаются только за счет достижений дигитализации. Первый пример касается сдвига в сторону использования возобновляемой энергии. Чтобы эффективно потреблять ресурсы возобновляемой энергии нельзя обойти цифровизацию, потому что производство такой энергии является децентрализованным, его трудно планировать и энергия производится в разное время дня и иногда лишь небольшими порциями.

Хранение и распределение возобновляемой энергии должно происходить очень быстро, чтобы ее летучесть не препятствовала эффективному использованию. Все это возможно лишь при помощи самообучающейся компьютерной технологии.

Другой пример – тенденция устойчивого развития транспортной системы. Снижение использования транспорта, работающего на топливе, транспортные

пробки в городах и штрафы за загрязнение среды требуют массового сокращения пассажирских автомобилей. Однако, налицо существенные информационные лакуны и проблемы, связанные со сравнением альтернативных видов транспорта. Речь идет о различных провайдерах и моделях ценообразования, различиях, связанных со временем использования транспортных средств и т.п. О них трудно собрать исчерпывающую информацию. Но теперь любую информационную проблему легче решить благодаря всеобщей доступности смартфонов. Многие исследовательские проекты в Германии обращаются именно к этим вопросам, поощряя выпуск приложений местными транспортными провайдерами и дополняя приложения всей информацией, необходимой для других поставщиков этого региона. Теперь можно сравнивать провайдеров каршеринга, компании по прокату велосипедов, автобусов, поездов и проч. Можно подсчитать, сколько времени займет каждое путешествие; можно также резервировать и покупать билеты, пользуясь услугами этих приложений. Цифровизация способствует тому, чтобы путешествия также подчинялись принципам устойчивого развития.

> Что же дальше?

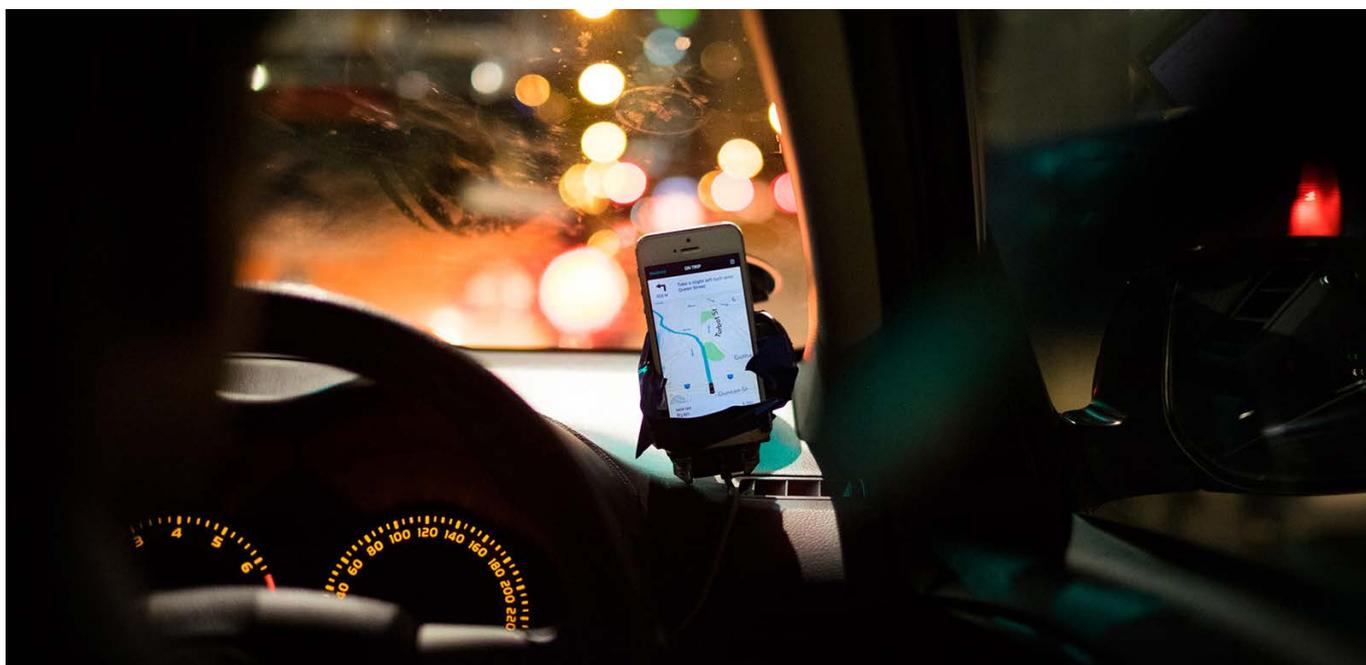
Бесчисленные исследования показывают, что устойчивость является важной характеристикой общества. Однако действовать в соответствии с принципами устойчивого развития – это совсем иное дело. Люди продолжают пользоваться автомобилями и летать на самолетах. Они не хотят отказываться от этих средств передвижения. И здесь мы находим императив для политики. Существует много простых шагов, которые можно сделать в этом направлении. Среди них снижение налогов на ремонт цифровых устройств или принятие законов о том, что все электронные устройства должны ремонтироваться. Но самый крупным шагом будет формирование справедливой цены на сырье. Экологическое и социальное разрушение, к которому приводит добыча минералов, должно быть финансово компенсировано. И хотя последствия такого шага будут крайне серьезны, он также сможет проложить путь экономике построста, облагая ресурсы более высокими налогами.

Цифровизация может способствовать созданию более устойчивых способов производства и жизни, а также избегать рисков, обусловленных ростом потребления энергии и разрушением породы. Такая цифровизация станет возможной в результате совместных усилий множества акторов. Умное законодательство – это лишь один из факторов. Люди должны поддержать его с помощью политического активизма, голосованием и новым образом жизни. Устойчивость укоренена в достаточности, а цифровизация снижает пороги потребления. Мы должны обратить внимание на эти обстоятельства. ■

Адрес для связи: Феликс Зюльманн-Фауль <kontakt@suehlmann-faul.com>

> Фонд достойной работы: Акционистское исследование экономики свободного заработка

Сруджана Катта, Келли Хаусон и Марк Грэм, Оксфордский институт Интернета, Оксфорд, Великобритания

Коммерческие горизонтальные формы райдшеринга в последнее десятилетие стали популярными средствами передвижения. Фото: Нозль Ток (Flickr). Лицензия CC BY-NC 2.0.

Индийская райдшеринговая фирма *Ola Cabs* использует цифровую платформу для организации баланса спроса и предложения на труд. В глобальном мире все большее число компаний использует такую бизнес-модель. Мобильное приложение этой фирмы позволяет пассажирам, нуждающимся в автомобиле, связаться с водителем напрямую. Такие цифровые платформы занятости являются составной частью системы «гиг-экономики», в рамках которой компании с помощью цифровых платформ, работающих на основе четких алгоритмов, соединяют тех, кто хочет заработать с помощью краткосрочных нерегулярных заказов (*gigs*) на основе сдельной оплаты. Модель гиг-экономики занятости работает благодаря цифровому алгоритму управления. Она проникает в разные сферы экономической активности, от перевозки пассажиров и доставки покупок до предоставления услуг домашнего труда и различных фрилансерских услуг.

Ola – это типичная гиг-фирма. Она использует нарративы свободы и гибкости, чтобы рекрутировать «партнеров-водителей», обеспечивающих работу фирмы. В соответствии с ключевыми мантрами гиг-экономики вебсайт фирмы гарантирует своим водителям «гибкие часы», «свободный режим работы» и возможность «заработать уважение». Кроме того, *Ola* позволяет своим водителям использовать бренд компании для заработка, позволяет арендовать автомобили за \$10–15 в день. Реклама обещает, что водители смогут «вести машину с нулевым риском», если они уплатят около \$56 невозвратного взноса и приобретут страховку (стоимостью от \$293 до \$432).

Нарратив, продвигаемый фирмой *Ola*, позиционирует партнеров-водителей как самостоятельных, обладающих полномочиями (*self-empowered*) работников, которые освобождены от ограничений традиционного режима работы и имеют возможность осуществлять баланс между различными интересными задачами. Гиг-работа предлагает привлекательные перспективы самоуправления, капитализацию существующих ресурсов, и обещает, что у сотрудников фирмы появится больше времени на семейные и другие дела. Далее фирма подчеркивает с воодушевлени-

>>

нием, что работники в таком режиме занятости обладают большим контролем над многими аспектами своей работы и личной жизни. Однако реальность часто очень сильно отличается от таких обещаний. Прямое управление, осуществляемое боссом - человеком, замещается более скрытыми и вездесущими формами контроля, которые реализуются с помощью цифровых алгоритмов.

В декабре 2019 года журнал *The Economic Times* опубликовал сообщение о том, что райдшеринговая фирма *Ola* отстранила от работы водителя из Мумбаи после жалобы пассажира, который сообщил, что водитель заснул за рулем, и это едва не привело к ДТП. Водитель сказал, что он находился за рулем более двадцати часов без перерыва. На первый взгляд, создается впечатление, что действия фирмы, отстраняющей водителя от работы, вполне обоснованы: Они направлены на обеспечение безопасности пассажира и водителя. Однако этот эпизод иллюстрирует структурные проблемы, характерные для райдшерингового сектора и всего контекста гиг-экономики, а именно: низкую оплату труда, небезопасные условия занятости и отсутствие юридических процедур в принятии кадровых решений. В заметке процитировано высказывание представителя организации работников: «Если водители будут работать менее 14–15 часов в день, они не смогут заработать на оплату аренды машины таким фирмам, как *Ola*, *Uber* и др.».

Платформы гиг-экономики часто позиционируются как всего лишь технологические компании, которые соединяют тех, кто хочет продать свой труд, тем, кто хочет купить услуги. Согласно этой логике, которая прослеживается и в юрисдикциях, платформы определяют своих работников как «независимых участников договора», «самозанятых», а не наемных работников. Такая категоризация камуфлирует существующие отношения контроля, с помощью которых платформы определяют условия труда, его оплату и демонстрируют высоко эффективные методы сетевого управления. В результате такой подтасовки в определении контракта труд растущего числа гиг-работников не подпадает под трудовое законодательство и не является объектом социальной защиты. Такие работники не имеют право на больничные листы, оплачиваемый отпуск и пенсионные отчисления. Платформы вычитают у работников оплату аренды автомобиля, те-

хобслуживание, страховку и топлива. Работники сами несут ответственность за подсчет и оплату налогов. Предполагаемая гибкость в выборе часов работы подрывается трендом сокращения оплаты труда, обусловленной тем, что численность рабочей силы, управление которой осуществляется с помощью платформы, быстро возрастает. Геймифицированное цифровое взаимодействие также поощряет тех работников, которые работают большее число часов. Более того, платформы не дают гарантии обеспечения водителей минимальным числом заказов. Избыточное предложение рабочей силы периодически приводит к снижению спроса на услуги, более длительным периодам ожидания между заработками. Избыточное предложение рабочей силы приводит к тому, что клиентам редко приходится томиться в ожидании сервисов. Сочетание всех этих факторов постоянно толкает работников к более длительным рабочим сменам. В результате растут риски, водители могут поставить себя и своих клиентов в опасные ситуации, как мы видим в случае уснувшего за рулем водителя фирмы *Ola*.

Ни фирма *Ola*, ни индийский контекст не являются уникальными. Сходные проблемы низкой оплаты труда, переработок и подверженности рискам характерны для глобальной гиг-экономики. Эти проблемы могут решаться на разных уровнях. Мы считаем, что необходимо ввести регулирование статуса наемных работников и обязательств цифровых платформ. Именно эти требования выдвигают протестные движения, организации работников и третьи стороны, стремясь поднять уровень осознания проблем и стимулировать более справедливые практики в сфере гиг-экономики.

В духе описанных выше требований в 2018 году был основан Фонд достойной работы (*Fairwork Foundation*), акционистский исследовательский проект Оксфордского университета. Проект предполагает сотрудничество социальных исследователей и специалистов по трудовому праву, которые изучают несправедливые практики гиг-экономики. На основании данных, полученных в результате интервьюирования трехсот гиг-работников в Африке, Азии и Европе, мы сформулировали пять принципов достойной работы цифровых платформ: достойная оплата, достойные условия, достойные контракты, достойное управление и достойные репрезентации.

Principle 1: Fair pay
Workers, irrespective of their employment classification should earn a decent income in their home jurisdiction after taking account of work-related costs.

Principle 2: Fair Conditions
Platforms should have policies in place to protect workers from foundational risks arising from the processes of work and should take proactive measures to protect and promote the health and safety of workers.

Principle 3: Fair Contracts
Terms and conditions should be transparent, concise, and provided to workers in an accessible form.
The party contracting with the worker must be subject to local law and must be identified in the contract. If workers are genuinely self-employed, terms of service are free of clauses which unreasonably exclude liability on the part of the platform.

Principle 4: Fair Management
There should be documented processes for workers to be heard, to appeal and understand decisions affecting them.
Workers must have a clear channel of communication to appeal management decisions or deactivation. The use of algorithms must be transparent and result in fair outcomes for workers. There should be an identifiable and documented policy that ensures equality in the way workers are managed on a platform.

Principle 5: Fair Representation
Platforms should provide a documented process through which worker voice can be expressed. Irrespective of their employment classification, workers should have the right to organise in collective bodies, and platforms should be prepared to cooperate and negotiate with them.

Принципы достойной работы. Иллюстрация предоставлена Фондом достойной работы (*Fairwork Foundation*).

Рейтинговые таблицы достойной работы. 2019 г. ЮАР и Индия. Иллюстрация предоставлена Фондом достойной работы (Fairwork Foundation).

Мы проводим панельное исследование годового цикла, целью которого является оценка платформ гиг-экономики в соответствии с этими принципами. Исследование предполагает проведение интервью с работниками и менеджментом платформы. Затем мы оцениваем их деятельность по десятибалльной шкале и показываем эти оценки на индивидуальных сертификатах и в рейтинговых таблицах, демонстрирующих ранг фирм на шкале «достойного труда». Мы разрабатываем пороговые значения для каждого из пяти принципов с учетом местных условий (например, «достойная оплата» по-разному операционализируется в разных контекстах). Платформы с хорошими показателями могут использовать в рекламных целях разработанный нами символ, обозначающий их ранг на шкале достойного работодателя.

Мы стремимся разработать подход, который позволит работникам, фирмам, потребителям и контролирующим структурам создать представление об экономике платформ, которая выполняет свои обещания роста возможностей занятости, устойчивого жизнеобеспечения и роста полномочий работников.

В ответ на жалобу клиента фирма *Ola* приняла немедленные дисциплинарные и корректирующие меры в отношении уставшего водителя, потребовав даже, чтобы он обратился за медицинской помощью. Но возможно не стоит во всем винить исключительно водителя. Какой смысл давать советы человеку меньше уставать или стать менее зависимым от прекарного источника дохода? Если *Ola* и аналогичные платформы активно инкорпорируют принципы достойной работы в свой менеджмент, мы увидим более безопасные и достойные условия труда для работников гиг-экономики. Работники, получающие более достойную оплату и работающие на платформы, в которые не встроены бонусные структуры, поощряющие сверхзанятость, с большей вероятностью откажутся от еще одного заказа в конце утомительного трудового дня.

Когда обязательства фирмы известны работникам, они с большей вероятностью трезво оценивают свои возможности перед подписанием контракта. Работники, подписанные на платформы, которые соблюдают процедурные правила менеджмента, смогут подать апелляции в случае применения к ним неоправданных дисциплинарных мер. Они смогут также требовать, чтобы их случаи разбирались очно в судебной инстанции. Те работники, которые смогут создать коллективную организацию, признаваемую платформами, смогут выступить с требованиями более справедливого контракта на собственных условиях. Но до сих пор все обстоит иначе. *Ola* и большинство других платформ успешно осуществляют аутсорсинг рисков и расходов работникам. Менеджмент платформ приписывает ответственность за неблагоприятные условия труда тем, кого нанимает.

С помощью наших принципов мы утверждаем следующее. Мы считаем, что незащищенные сопряженные с рисками условия труда не являются естественным, необходимым или приемлемым условием современной экономики цифровых платформ. Трудовые права, завоеванные рабочим классом в многолетней борьбе, сегодня находятся по угрозе умного менеджмента цифровой экономики. Несмотря на то, что многие не верят, что существуют альтернативы условиям занятости в этом секторе, а платформы представляются неприкасаемыми и неуязвимыми для давления работников, нужно признать, что цифровой менеджмент является крайне чувствительным к общественному мнению. Пользователи платформ (как работники, так и клиенты) обладают гораздо большими ресурсами власти, чем нам кажется. В будущем они смогут добиться улучшения условий своего труда. ■

Адреса для связи:
 Сруджана Катта <srujana.katta@oii.ox.ac.uk>
 Келли Хоусон <kelle.howson@oii.ox.ac.uk>
 Марк Грэм <mark.graham@oii.ox.ac.uk>

> Капитализм, класс, борьба

Донателла делла Порта, Высшая нормальная школа, Флоренция, Италия

Протесты в Гонконге. 2019 г. Фото: Studio Incendo (Flickr). Некоторые права сохранены.

Пятидесятая годовщина «Жаркой осени» 1969 года заставила таких социологов, как Колин Крауч и Алессандро Пиццорно, писать о «возрождении классовой борьбы». Мы наблюдаем глобальную волну массовых протестов, включающих миллионные марши и акции гражданского неповиновения, вспыхивающие одновременно в таких отдалённых друг от друга местах, как Ливан, Чили, Каталония и Гонконг. Борьба с крайними формами проявления неравенства и коррумпированными элитами в «Жаркую осень» 2019 года перекликалась с протестами против жёсткой экономики начала десятилетия, а также с Глобальным движением за справедливость

(Global Justice Movement) начала тысячелетия.

Поскольку протесты против жёсткой экономики периодически возобновлялись, к концу 2010-х годов мобилизация против насилия в отношении женщин или глобального потепления переняла проблематику предыдущих волн протестов, осмыслив эти вопросы через критику существующих социальных и политических отношений. Подвижные социальные сети объединили группы, мобилизующие граждан, которые зачастую в первый раз участвовали в акциях протеста. В отличие от таких движений, как «Пятницы ради будущего» (*Fridays for Future*), «Восстание против вымирания» (*Extinction Rebellion*) и *Ni Una Menos* [Ни на одну (женщину) меньше], которые связывали проблемы насилия в отношении природы и женщин с

контекстом капиталистической эксплуатации, массовая мобилизация «Жаркой осени 2019 года» была обусловлена национальными противоречиями и выражала негодование по поводу глобального капитализма, усугубляющего социальное неравенство и способствующего ограничению гражданских прав и политических свобод. В ряде случаев жестокие репрессивные меры против гражданского неповиновения на улицах и в судах стимулировали политизацию и радикализацию дальнейших протестов.

Несмотря на то что неолиберализм и его кризис вызывают большое недовольство, часто выражающееся в подрывных формах протеста, в исследованиях общественных движений капитализм как концепция и тема исследования долгое время занимал периферийное место. То же

>>

самое относится и к анализу классов и классовых конфликтов. Тем не менее, после Великой рецессии 2008 года наблюдается рост интереса к структурным основам социальных конфликтов и их выражению в институционализированной политике, но так же и (особенно) в протестной политике. Устоявшиеся представления о роли политических возможностей, мобилизации ресурсов и сопутствующих процессах потребовали обновления с учётом социально-экономических условий протестов. Я считаю, что для возвращения капитализма в рамки анализа социальных протестов, мы должны связать дискуссию по общественным движениям с критическими исследованиями политэкономии неолиберального капитализма.

> Трансформации капитализма и новые социальные движения

Изучение протестов трудящихся вскрыло происходящую долгосрочную трансформацию капитализма, ведущую к сокращению числа промышленных рабочих, ослаблению их классового сознания и возможностей организованного действия. В связи с этим эмпирические исследования общественных движений сфокусировали внимание на изучении социальных расколов за пределами промышленных предприятий, на формирование новых коллективных идентичностей и сопротивление иерархиям общества и рынка. Начиная с 1970-х годов, некоторые исследователи социальных движений, указывая на затишье классового конфликта, констатировали постиндустриальный и постматериалистический характер исследуемых ими новых социальных движений.

Такие исследователи, как Альберто Мелуччи и Ален Турен в своей теории Новых социальных движений выделили их общие черты, характерные для «программируемого» (или постиндустриального) общества. Поскольку контроль над информацией является основным источником социальной власти в таком обществе, предполагалось, что конфликты переместятся из сферы промышленного производства в такие области, как исследования и разработки, переработка информации, науки и техноло-

гии, средства массовой информации. Центральные участники нового конфликта теперь были связаны не с промышленным производством, а скорее с использованием и контролем когнитивных и символических ресурсов. Ожидалось, что в современных обществах инвестиции в создание индивидуальных автономных центров действия будут противоречить необходимости более тесной интеграции посредством усиления контроля над самими мотивами человеческих действий. В то время как Турен, и Мелуччи разрабатывали философское видение основных социальных конфликтов и акторов протеста, придавая значение развитию того, что можно назвать классовым сознанием, эмпирические исследования «новых социальных движений» были сосредоточены на изучении социальной базы протеста. На основе изучения нескольких движений и нескольких стран в исследованиях, претендующих на обобщение, указывалось, что наёмные работники, занимающие некоторые позиции среднего класса, такие как «белые воротнички» в сфере государственной службы, более склонны к участию в протестных движениях, чем, например, синие воротнички.

> Возрождение классовых конфликтов

Хотя обозначенные концептуализации и эмпирический анализ были полезны для прояснения некоторых особенностей протестной политики в конкретном регионе мира в определённый период роста государства всеобщего благосостояния, предсказания о завершении эры трудовых производственных конфликтов и протесте как арене для проявления недовольства среднего класса оказались неточными.

Во-первых, западная форма капитализма оказалась не той моделью, в сторону которой развивались другие экономики и общества. Кроме того даже на Западе с течением времени капитализм принимал более эксплуататорские формы, чем это было прогнозировано теоретиками информационного (программируемого) общества. Сокращение числа промышленных рабочих не привело к уменьшению эксплуатации труда.

Скорее, в процессе прекаризации условий труда отмечается пролетаризация среднего класса, сопровождающаяся снижением автономии и заработной платы во многих профессиях, в том числе среди «белых воротничков» в сфере услуг. Как отметил Дэвид Харви, ссылаясь на Карла Маркса, извлечение доходов с помощью финансовых спекуляций возникло как альтернатива извлечению доходов в сфере промышленного производства в процессе решения проблемы перенакопления. Наряду с формами накопления, ориентированными на расширенное воспроизводство, когда часть прибавочной стоимости вкладывается в производство, для современного капитализма характерен рост накопления путём экспроприации собственности, напоминающий первоначальное накопление капитала посредством экспансии особых отношений с некапиталистическими социальными формациями.

Возрождающиеся конфликты по поводу условий труда объединяются с другими протестами, которые Майкл Буравой называет социальными движениями против рекомодификации (при отмене достижений социальной защищённости); движениями против коммодификации новых сфер деятельности и против экс-коммодификации (определяемой как исключение из сферы рыночных отношений, как, например, вытеснение бывших работников с рынка труда). Поскольку логика накопления влияет на формы коллективной мобилизации, можно ожидать, что протесты будут следовать разной логике, учитывая специфические характеристики финансового капитализма, который усиливает классовую фрагментацию.

> Классовые конфликты при позднем неолиберализме

Помимо обсуждения общей тенденции преобладания общественных формаций, среднесрочные циклические процессы в эволюции капитализма также должны рассматриваться с учётом условий возрождения классового конфликта, которые возникают в период кризиса неолиберального капитализма. В своей основной ра-

Протесты в Чили, 2019 г. Фото: Диего Корреа (Flickr). Некоторые права сохранены.

боте «Великая трансформация» Карл Поланьи выявил характерное для капиталистического развития двойное движение между социальной защитой и свободным рынком. Вторая Великая трансформация, которую мы называем неолиберальным капитализмом, основана на идеологии крайней степени доминирования рынка над обществом, что отличает её от того периода, когда социальная защита доминировала над рыночными отношениями.

Тем не менее, общие тенденции движений и контрдвижений, о которых пишет Поланьи, укоренены в разных типах капитализма, которые сосуществуют в один и тот же исторический период. Прежде всего, как показывает мир-системный анализ, капитализм принимает различные формы в своём ядре, на полупериферии и периферии. В исследованиях рабочего движения критикуется тенденция обобщения конкретных геополитических тенденций на глобальном уровне, и показывается, что, хотя на Западе класс промыш-

ленных рабочих действительно может находиться в состоянии упадка, это не относится к Глобальному Югу. Во-вторых, Питер Холл, Дэвид Соскитч и другие исследователи выделяют различные разновидности капитализма. Для одних типична свободная рыночная экономика, рынок является основным элементом взаимодействия и отношений. Такой капитализм отличается от того типа, для которого характерна управляемая (координированная) рыночная экономика. Последние исследования посвящены различным адаптациям разновидностей капитализма в период второй Великой трансформации и её кризиса во время Великой рецессии. Недовольство принимало различные формы, обусловленные конкретными характеристиками, сроками и интенсивностью финансового кризиса и политическими реакциями на него. В своих рассуждениях мы опираемся на представления о движениях против капитализма, разработанные Поланьи. Как пишет Беверли Сильвер, в центре и на периферии капиталистической

мир-системы классовая борьба в защиту старых прав взаимодействует в разных сочетаниях с наступательными социальными движениями, которые бросают вызов существующим системам производства (подобными тем, о которых писал Маркс).

> Активная сила социальных движений

Хотя приведённые выше рассуждения в рамках критической политической экономии дают полезную информацию для анализа классовых оснований социальных конфликтов, вопросы о способности различных социальных групп создавать автономные организации или занимать институционализованные властные позиции, остаются открытыми. На них могут ответить лишь эмпирические исследования социальных движений. В частности, исследования способны пролить свет на то, как антисистемные движения и/или контрдвижения создаются, благодаря активным действиям и в широком контексте социальных отношений.

>>

В таких исследованиях они анализируют классы, но за пределами структуралистского подхода, анализируя роль ресурсов мобилизации и роль автономного политического контекста.

Прежде всего, исследователи Новых общественных движений, выделяя различные моменты в развитии капитализма, справедливо акцентировали внимание на структурных детерминантах конфликтов и одновременно подчёркивали значимость процессов идентификации. В этом смысле они выступали против структуралистской интерпретации марксизма, в преодолении которой частично вносят вклад нео- или постмарксистские подходы. При этом, однако, недостаточно внимания уделялось изучению конкретного развития организационных и идеологических ресурсов, объясняющих переход от структуры к действию.

В связи с этим некоторые аспекты парадигмы исследования Новых общественных движений сохраняют свою актуальность для понимания современных конфликтов. Например, важность контроля над знаниями в противоположность контролю собственности на средства производства или отказ от иерархической концепции общества в государствах всеобщего благосостояния в пользу определения общего достояния остаются значимыми и сегодня для мобилизации. Не случайно в анализе социальных движений при неолиберализме, проводимом с позиций марксизма (см., например, Колин Баркер), присутствуют обширные ссылки на Мелуччи и Турена, в частности, когда они подчёркивают значимость знаний для дискурсов сопротивления, основанных на признании радикальных потребностей, и преодоления ограничений доминирующего здравого смысла. Кроме того, исследования больших

циклов протестной политики акцентируют роль накопления символических и материальных ресурсов для сопротивления капитализму, консолидацию определённых репертуаров протеста и стабилизацию институциональных каналов, а также альянсов и сетей.

Как показывают недавние исследования, конъюнктурные экономические, а также политические трансформации кризиса, его форм и интенсивности оказывают соответствующее влияние на формы и интенсивность борьбы. Сравнительный анализ социальных движений на европейской периферии поставил под сомнение широко распространённые в социологии труда и исследованиях социальных движений представления о том, что прогрессивные движения расцветают во времена изобилия, когда позиция рабочих структурно сильна, а экономический рост создаёт более высокую маржу для инвестиций прибыли в увеличение зарплат и налогов для поддержки расходов на социальное обеспечение. Проведённый анализ показывает, что именно там, где кризис был сильнее, особенно в таких странах, как Исландия, Греция и Испания, он стал причиной роста протеста, формирования нового репертуара действий, а также организационных форм и требований, которые даже смогли добиться политического успеха. Тем не менее, осмысление различных проблем, с которыми сталкиваются участники протестной политики, как в периоды экономического роста, так и во времена кризисов, остаётся актуальным. Как отмечается в исследованиях протеста трудящихся, кризисы действительно могут преодолеваться путём создания ресурсов солидарности во время протестов. Длительные забастовки или захват заводов, создание лагерей протеста на площадях или пи-

кеты безработных, характерные для движения против политики жёсткой экономии, действительно рассматриваются как реакция на кризис, которая создаёт инновационные идеи и практики. «Органические кризисы», о которых Грамши писал как о кризисах гегемонии правящего класса, приводят к тому, что при определённых политических и социальных условиях локальная борьба перерастает в более широкое социальное движение.

> **Заключительные замечания**

Подводя итоги, следует отметить, что, структуралистское видение классов имеет тенденцию игнорировать способы, которыми политические возможности опосредуют социально-экономические эффекты, а также процессы мобилизации ресурсов, на чём в основном и сосредоточены исследования социальных движений. Объединение исследования общественных движений с (критической) политической экономией имеет решающее значение для понимания разнообразия, интенсивности и временной динамики социальных движений, которые мобилизуются в различных регионах мира с различной интенсивностью в противостоянии кризису неолиберального капитализма. Чтобы сделать это, теория общественных движений должна уделить больше внимания критическому анализу трансформации капитализма, исследуя текущие процессы накопления капитала и эксплуатации. В то же время анализ структурных трансформаций капитализма может извлечь пользу из теории общественных движений, так как она рассматривает, как происходит мобилизация на основе недовольства. ■

Адрес для связи: Донателла дела Порта
<donatella.dellaporta@sns.it>

> День уважения ведущему марксисту Африки

Самиру Амину

Вишвас Сатгар, Университет Витватерсранда (ЮАР), член ИК МСА по экономике и обществу (ИК02) и рабочим движениям (ИК44)

Самир Амин в Берлине. 2016 г.
Фото: Flickr. Некоторые права сохранены.

Самир Амин ушёл из жизни 12 августа 2018 года. Интеллектуальная история Африки двадцатого века будет неполной без признания его вклада. Его интеллектуальная траектория проходила через ключевые моменты создания современной Африки: 1) подъём арабского национализма; 2) левый поворот в постколониальной Африке, включая рост африканского социализма и научного социализма; 3) неоколониальный контроль, порождающий зависимость; 4) поражение панафриканизма в контексте структурной перестройки и холодной войны; 5) создание глобализированной Африки. Амин пережил эти моменты истории континента, исследовал их и подвергал критическому интеллектуальному анализу.

Амин писал свои труды как независимый марксист, опираясь на исследовательскую программу, изложенную в его докторской диссертации (1957), где основное внимание уделялось социальным механизмам экономической отсталости. Позднее эти идеи были опубликованы в работе *Accumulation on a World Scale – A Critique of the Theory of Underdevelopment* [Накопление в мировом масштабе – критика теории зависимого развития] (1974). Амин был трансгрессивным интеллектуалом, который никогда не ограничивался пределами одной дисциплины. Он внёс новаторский вклад в марксистскую теорию, мир-системный анализ, теорию развития, контекстуальный анализ глобальной геополитики, стратегическое планирование. При этом в центре его внимания всегда оставалась проблематика социализма, которую он постоянно переосмысливал. Амин очень много сделал для социологического знания. В то же время его идеи востребованы экономикой, меж-

дународными отношениями, постколониальной теорией, исследованиями в области развития и другими дисциплинами. Амин стал соучредителем Совета по развитию исследований в области социальных наук в Африке (*Council for the Development of Social Science Research in Africa, CODESRIA*) в 1973 году и занимал должность его исполнительного секретаря. Этот институт принимал участие в жизни как минимум трёх поколений социологов и имел решающее значение для развития африканского сообщества социальных исследователей.

Будучи марксистом, Амин никогда не был ортодоксом. Для него марксистский подход был отправной точкой концептуализации, а не совокупностью догматических утверждений. Однако такая интеллектуальная позиция предполагала поиск «марксистских ответов на современные вызовы», что потребовало концептуальных инноваций в теории капитализма Маркса и исторического материализма. Таким образом, Амин не рассматривал капитализм в русле его абстрактного определения, ставящегося в центр внимания отношения труда и капитала. По мнению Амина, такой подход граничил с экономизмом и подразумевал стадийность в эволюции периферийных регионов мир-системы и безосновательно предполагал, что «отсталые периферии» должны приблизиться к уровню передовых центров. Вместо этого он считал, что необходимо рассматривать капиталистическую мировую систему как основную единицу анализа на самом высоком уровне абстракции, что требовало понимания истории капиталистических обществ, конкретного анализа современного империализма и контекстуального анализа. Такая позиция привела Амина к инновациям в концепции стоимости Маркса и дальнейшим попыткам интегрировать её в теорию глобального капитализма. Исследователь разработал понятия имперской ренты, неравного развития и глобальной поляризации, описывающие мировую капиталистическую систему. Центральной в его теории империализма является концепция глобальной фазы монополистического капитализма, для которого характерно пять монополий: монополия на контроль оружием массового уничтожения, монополии на технологии, управление финансовыми потоками, планетарными ресурсами и коммуникациями. С этой точки зрения, «догоняющее развитие» периферии в отношении «центра» является иллюзией.

В условиях, когда университеты, как на глобальном Севере, так и на Юге, сталкиваются с проблемой деколонизации, вклад Самира Амина в не-европоцентричный марксизм является критически важным и новаторским. Исследователь также выстраивает интеллектуальные мо-

>>

сты и основу диалога с теми социальными теоретиками, которые стремятся в своём деколонизирующем рвении опровергнуть весь марксизм как европоцентричную теорию. Амин поставил под сомнение европоцентричные моменты в трудах Маркса, историографии капитализма и западной современности, пересмотрев концепцию «трибутивного способа производства». Он истолковал эту категорию как результат исторического развития в исторической последовательности, демонстрирующей, что Европа была периферией докапиталистической цивилизации. Европа поздно пришла к цивилизации, и благодаря разнообразию путей перехода от феодализма к капитализму, который нарушил централизацию прибавочной стоимости, она смогла развиваться так, как развивалась. Европа эволюционировала не благодаря белому гению и исключительности. Существовали исторические непредвиденные обстоятельства, связанные с переделом мировой системы, начиная с шестнадцатого века. Амин также поставил под вопрос европоцентризм и его пересечение с экономизмом, подчеркивая значимость авангардной роли классового союза рабочих и крестьян на периферии капиталистической системы. Марксистский классовый анализ и марксистская политика не должны сводить политическую субъектность к промышленному пролетариату. Более того, пророческие прогнозы Амина в отношении *Empire of Chaos* [Империи хаоса] (1992 г.), при которой возглавляемый США блок Европы и Японии не остановится ни перед чем для того, чтобы воспроизводить и расширять свои капиталистические рынки, ещё больше подчеркивают необходимость деколонизации.

Стратегическая концепция Самира Амина об отсоединении (*delinking*), не сопровождающейся авартикой, также стала теоретическим фундаментом популярных общенациональных проектов в странах и регионах. В этих проектах подчеркивается, что суверенитет формируется на основании императива деколонизации. Таким образом, для Амина центральным вопросом был контроль над отношениями, складывающимися между странами периферии и глобальным капитализмом. Амин не поддерживал стратегию структурного приспособления на условиях глобальных монополий центра. С его точки зрения, например, такие структурные нововведения как либерализация валютного контроля, частное банковское дело и глобализация сельского хозяйства, препятствуют национальному развитию.

По сути дела, отсоединение – это общенациональный всенародный проект, сформированный тремя тенденциями: государственнической, капиталистической и социалистической. Амин предвидел эти тенденции, подкреплённые классовым альянсом (а в случае периферии – альянсом рабочих и крестьян), который стоял во главе проекта. Эти тенденции будут сталкиваться, противоречить и конкурировать друг с другом, чтобы сформировать направление общенационального всенародного проекта. Амин выделил несколько условий, необходимых для реализации проекта отсоединения (*delinking*).

Во-первых, этот национальный проект должен учитывать потребности населения. Он не должен быть скомпрометирован отношениями с глобальным капитализмом. Значимым примером в этой связи является продоволь-

ственный суверенитет страны. Амин политически и интеллектуально поддерживал аграрную политику, при которой крестьяне, мелкие фермеры и потребители контролируют продовольственную систему страны. С 1996 года *La Via Campesina*, крупнейшее крестьянское движение на планете, насчитывающее более 200 миллионов человек, находится в авангарде продвижения продовольственного суверенитета в ответ на отъём собственности, связанный с глобальной монополией на контроль продовольственного режима. Амин настаивал на том, что продовольственный суверенитет является ключевым фактором для стратегии отсоединения. Такую позицию необходимо учитывать при обсуждении снижения выбросов углекислого газа в мире с глобальным повышением температуры.

Во-вторых, понимание отсоединения (*delinking*) должно учитывать региональные или субрегиональные измерения. Хотя центральным локусом отсоединения является страна, процесс должен происходить в контексте выстраивания отношений между крупными экономическими и политическими блоками, например, в масштабе регионов – Южной Африки или Западной Африки, а также в масштабах всего африканского континента. Такая гармонизирующая регионализация также подразумевает формирование необходимой власти внутри страны для контроля отношений с глобальным капитализмом. Это означало, что отсоединение также предполагает иной тип глобализации, которая возникает снизу, а не насаждается сверху – правящими классами, глобальными монополиями и возглавляемой США триадой.

В-третьих, отсоединение также предполагает децентрализацию власти в мировой системе. Концепция, являющаяся неотъемлемой частью стратегии отсоединения и ключевая для её реализации – это идея полицентричного мира, которая предполагает международное перераспределение власти. При жизни Амина, в 1955-1975 гг., Движение Неприсоединения (*Non-Aligned Movement*) имело решающее значение для создания такого полицентричного мира. Однако после его поражения и ослабления солидарности между странами третьего мира в последние годы своей жизни Амин начал продвигать идею Пятого Интернационала народов и рабочих (*Fifth International of Peoples and Workers*). Амин подвергал критике ограниченность Всемирного социального форума и искал новое основание международной солидарности, опирающееся на критическую оценку исторического интернационализма. Его идеи по этому поводу серьёзно рассматриваются в различных кругах, учитывая растущую в мире угрозу со стороны правых и усугубляющиеся системные кризисы глобального капитализма, включая климатический кризис.

Для живущих в Африке социологов, для тех, кто знал Самира Амина и старался осмыслить современный мир в его категориях, его уход из жизни – это невосполнимая утрата. Исса Шивджи, ведущий африканский социолог, описал эту утрату метафорически как «падение баобаба». ■

Адрес для связи: Вишвас Сатгар <Vishwas.Satgar@wits.ac.za>

> И. Валлерстайн: выдающийся социолог и интеллектуал

Сари Ханафи, Американский университет Бейрута, Ливан, президент МСА (2018-2022);
Стефан Дюфуа, Университет Париж Нантер, Institut universitaire de France, член ИК МСА
по истории социологии (ИК08)

Иммануил Валлерстайн в Европейском
Университете в Санкт-Петербурге, 2008.
Фото: Алексей Куприянов. Лицензия
Creative Commons.

В последние несколько месяцев много тревожных событий произошло в нашем социологическом сообществе. Ушли из жизни три выдающихся социолога: Иммануил Валлерстайн, Анибаль Кихано и Эрик Олин Райт. И всё же МСА особенно признательна Валлерстайну, который был её президентом с 1994 по 1998 год. Он является автором знаменитого четырехтомного шедевра «Мир-система

модерна», в котором разрабатывается мир-системный анализ, позволяющий перестать мыслить в категориях доминирующей теории модернизации. Этот анализ остаётся сегодня столь же убедительным, каким он был в 1970-е годы, когда Валлерстайн только начал писать о нём. Утверждая, что сферы экономики, политики и культуры не являются автономными областями социальных действий, и, призывая к тому, чтобы социальный ана-

>>

лиз был одновременно историческим и системным, он переориентировал социологию на сравнительную историю, политическую экономию и теории капитализма, заложив основы антиколониальной и постколониальной социальной науки.

Его огромный организационный вклад состоял в том, чтобы сделать МСА более открытым сообществом, установить прямой контакт с её членами, начав традицию президентских писем участникам и организовывая региональные конференции, которые воспитали новое поколение социологов, впоследствии ставших лидерами своих национальных социологий, а также МСА.

Книги Валлерстайна переведены на многие языки мира, что свидетельствует о его влиянии. В арабском мире было переведено пять его книг и многие статьи, а его дружба с теоретиком зависимого развития Самиром Амином сделала Валлерстайна одним из героев арабского мира. Эта ситуация достаточно сложна для анализа. На первый взгляд, в таких ключевых трудах, как *Unthinking Social Science* (1991) или в докладе Комиссии Гюльбенкяна о реструктуризации общественных наук, которую он возглавлял (1996), цитируется очень мало неевропейских социологов (Самир Амин – в первом и Энгельберт Мвенг – во втором). Тем не менее, при ближайшем рассмотрении становится ясно, что Fernand Braudel Center [Центр Фернана Броделя], который он возглавлял в Университете Бингемтона, был тем местом, где многочисленные латиноамериканские социальные учёные из группы Современность/Колониальность (*Modernity/Coloniality group*) (такие как Анибал Кихано, Энрике Дюссель, Вальтер Миньоло и Рамон Гросфогюэль) нашли убежище или, по крайней мере, пространство, в котором можно было представить свои исследования в 1990-е годы. Более того, в своём Президентском обращении 1998 года перед XIV Всемирным конгрессом социологов в Монреале он привёл обширную цитату из работы египетского и французского социолога Ануара Абдель-Малека и сформулировал вто-

рой (из шести) вызов традиционной «культуре социологии», которую он назвал европоцентричной¹.

Ещё в 1971 году, указывая на то, что дисциплинарные классификации, созданные в конце девятнадцатого века, «больше не служат эвристическим целям»², Валлерстайн призвал объединить социальные науки с гуманитарными науками и историей. Он настаивал на их воссоединении, признавая, что «рациональность включает в себя выбор моральной политики и что роль интеллектуального класса заключается в том, чтобы разъяснить исторический выбор, который у нас есть», как он отметил в своём труде «Конец знакомого мира: социология в XXI веке» (*The End of the World as We Know It: Social Science for the Twenty-First Century*). Валлерстайн утверждает, что без «субстантивной рациональности» социологи станут социально неактуальными. В своём последнем комментарии от 1 июля 2019 года он призвал нас быть актуальными: «В дальнейшем, возможно, мир будет распадаться на различные сегменты, каждый из которых будет развиваться по-своему. Или не будет. В прошлом я думал, что основной борьбой была классовая борьба... Теперь я считаю, что людям будущего предстоит, прежде всего, бороться с собой, и только так изменение может стать реальным».

Валлерстайн верил, что когда-нибудь наступит кризис, который приведет к гибели капитализма. И всё же этот выдающийся интеллект оставил нас задолго до того, как мы увидели очертания нового лучшего мира. ■

1. Wallerstein, I. (January 1999) "The Heritage of Sociology, the Promise of Social Science." *Current Sociology* 47(1): 1-37.

2. Wallerstein I. (November 1971) "There is No Such Thing as Sociology." *The American Sociologist* 6(4): 328.

Адреса для связи:

Сари Ханафи <sh41@aub.edu.lb>

Стефан Дюфуа <stephane.dufoix@wanadoo.fr>

> И. Валлерстайн: интегрируя социологию по-новому

Франк Вельц, Университет Инсбрука, Австрия, член исследовательских комитетов МСА по истории социологии (ИК08) и социологической теории (ИК16); **Ананд Кумар**, старший научный сотрудник, Мемориальный музей и библиотека Неру, Нью-Дели, Индия

“Он считал необходимым развивать позицию вовлечённого социолога не только в сфере исследований, но и как преподаватель этой дисциплины”

Вспоминая Всемирный конгресс МСА 2018 года в *Canadian Review of Sociology* [Канадском социологическом обозрении], Фредерик Ванденберге и Стефан Фукс подчеркнули, что «социология прекратила свое существование». Для них фрагментированная дисциплина утрачивает свою сущность и идентичность. Голос Иммануила Валлерстайна – один из самых сильных аргументов против фрагментации и специализации социологии. Его смерть 31 августа 2019 года, в возрасте 88 лет, является большой потерей для социальных наук. Бремя ответственности, которое теперь переходит к нам – глобальному сообществу социологов – но, к счастью, и оставленное им научное наследие, колоссально. В этой статье мы представим те идеи этого выдающегося социолога, которые считаем наиболее актуальными для современной социологии. Мы познакомимся с ними еще в 1970-е годы, когда Ананд Кумар учился у Валлерстайна в Бингемтоне и позднее в ходе нескольких встреч в Париже, когда мы брали у него видеопереговор (в 1999 г.)¹.

Во-первых, речь идет о единице анализа: в то время как международная социология обсуждала «методологический национализм» на рубеже нового века (см., например, У. Бек, Д. Чернило), Валлерстайн уже в 1960-е годы сменил единицу социального анализа и пришёл к выводу, что невозможно изучать страны постколониальной Западной Африки как национальные общества, а только как часть исторической мир-системы. Эта позиция является исходной точкой его четырёхтомного труда «Мир-система модерна». Во-вторых, актуальными являются его представления о методе осмысления социального (эпистемологии). Ранний призыв Валлерстайна к созданию реляционной социальной науки становится важной и многообещающей задачей для социальных наук. Опираясь на представление о сложных системах, развиваемое Ильёй Пригожиным, в 1990-е годы Валлерстайн писал о том, что естественные и гуманитарные науки найдут новое общее пространство в социальных науках. Он стремился вернуть социологию к центру производства научного знания, предлагая заменить ньютоновское представление о повторяемости, стабильности и равновесии системы новым видением – комплексным исследованием исторического мира нестабильности, эволюции и флуктуаций. Следуя этой точке зрения, определение неоклассической экономики в отношении общего равновесия является неверным. Кро-

ме того, неверна и наша традиционная практика разделения экономического (для экономики), политического (для политической науки) и социокультурного (для социологии или гуманитарных наук). Анализ одного феномена должен обязательно учитывать и его реляционное формирование другими. Например, этническую принадлежность нельзя просто рассматривать как культурное наследие прошлого; необходимо рассматривать её также как стратегический режим, навязанный сверху обществу для организации (экономически) низших слоев, так же как и (политически) режим низового сопротивления². В-третьих, скрытой задачей, стоящей за настойчивым вниманием Иммануила Валлерстайна к эпистемологическим и онтологическим предпосылкам социологии, было его стремление к укреплению целостности и увеличению эффективности нашей дисциплины. Уже в 1990-е годы, будучи президентом МСА, он критиковал непрерывное дробление социологии на всё более мелкие отрасли, и считал, что этот тренд можно преодолеть только путём переосмысления общих интеллектуальных источников социологии.

Наконец, он считал необходимым развивать позицию вовлечённого социолога не только в сфере исследований, но и как преподаватель этой дисциплины. Он следовал этому кредо «органического интеллектуала», постоянно принимая участие в движениях за справедливость и мир – от антивоенных протестов 1960-х годов до сопротивления апартеиду в 1970–1980-х годах, а также принимая участие в собраниях Всемирного социального форума во всех уголках мира, от Африки до Латинской Америки. В целом, Иммануила Валлерстайна будут помнить как великого мастера, который не только столкнулся с ограничениями «западной социологии» в 1960-е годы, но и вдохнул новую жизнь в социологию в следующем пятидесятилетии. Он разработал совокупность новых понятий, теорий и методов (мир-системный подход), которые помогают лучше понять динамику развития человеческого общества – особенно в период между «продолжительным шестнадцатым веком» и бурным двадцатым столетием. ■

1. Видеопереговор с Иммануилом Валлерстайном, проведённое Анандом Кумаром и Франком Вельцем в 1999 году: <https://www.youtube.com/playlist?list=PL49D592A64200367F>.

2. Kumar, A., Welz, F. (2001) "Culture in the World-System. An interview with Immanuel Wallerstein" [Культура в мир-системном подходе. Интервью с Иммануилом Валлерстайном]. *Social Identities. Journal for the Study of Race, Nation and Culture* 7(2): 221-231.

Адреса для связи:
Ананд Кумар <anandkumar1@hotmail.com>
Франк Вельц <frank.welz@uibk.ac.at>

> Караван мигрантов

как стратегия мобильности в Центральной Америке

Вероника Монтес, Колледж Брин-Мар, США

Мигранты на стадионе Хесуса Мартинеса в Мехико. Из архива Вероники Монтес.

Я снова увидела Лусию и Эктора весенним днём в мае 2019 года, в третий раз за последние шесть месяцев. На это раз я встретила их в городке Тихуана на американо-мексиканской границе. Лусия и Эктор находились в составе так называемого Центральноамериканского каравана – тысячи мигрантов из Центральной Америки, которые в октябре и ноябре 2018 года пересекали мексиканскую территорию. Мигранты использовали этот караван в качестве стратегии мобильности, чтобы добраться до границы между США и Мексикой. Впервые я встретила Лусию и Эктора в Мехико 5 ноября 2018 года, когда я приехала на стадион, который служил убежищем для тысяч участников каравана, начавших прибывать в город 3 ноября.

Первый караван – всего их было четыре к 2018 году – отправился 12 октября из города Сан-Педро-Сула (Гондурас) и прибыл в Тихуану (Мексика) 12 ноября. Мигранты из Центральной Америки, пересекающие мексиканскую территорию, чтобы добраться до США – это не новость на континенте. По словам Марты Санчес Солер, координатора Центральноамериканского движения мигрантов (*Mesoamerican Migrant Movement, MMM*), ежедневно от 800 до 1000 мигрантов из Центральной Америки въезжают в Мексику. По некоторым оценкам, например, в 2014 году приблизительно 392 000 мигрантов из Центральной Америки пересекли мексиканскую территорию, а в 2015 году их число несколько снизилось – до 377 000 чел. Если присутствие центральноамериканцев, пересекающих территорию Мексики, не является новым явлением, почему караван мигрантов привлекает столько внимания как на национальном, так и на международном уровне?

Правозащитные организации указывают на тот факт, что массовые похищения людей превращаются в постоянную, широкомасштабную систему вымогательства в отношении мигрантов в Мексике. В своей книге *Violencias y migraciones centroamericanas en México* [Насилие и миграция центральноамериканцев в Мексике] Мария Долорес Парис Помбо утверждает, что мигранты подвергаются эксплуатации на криминальном и сексуальном рынках вдоль миграционного маршрута между южными и северными границами Мексики. В таком контексте эксплицитный характер многотысячной миграции из Центральной Америки стал стратегией мобильности, которая позволила путешествовать по мексиканской территории безопасным, экономически доступным и быстрым способом, чтобы достичь границы между Мексикой и США. Таким образом, хотя формирование каравана в качестве стратегии мобильности для пересечения мексиканской территории не было новым, на этот раз сочетание факторов сделало его другим. Во-первых, он стал массовым и разнородным по составу: в его состав входили молодые семьи, одинокие матери с детьми, молодые одинокие мужчины, несовершеннолетние дети без сопровождения взрослых, представители ЛГБТ-сообщества и значительное число пожилых людей и инвалидов, которые быстро присоединились к каравану. Во-вторых, новизна заключается в оперативности организации каравана. В-третьих, стратегия каравана продемонстрировала решимость тысяч выходцев из Центральной Америки путешествовать по главным дорогам, требуя права на свободный и безопасный транзит через территорию.

Почему эти люди покинули свои дома и отправились на границу США и Мексики, рискуя жизнью своих семей? Ответ сложен, и у каждой страны в центрально-амери-

Пусть мигранты узнают о своих правах и доступных им альтернативах. Из архива Вероники Монтеc.

канском регионе есть своя предыстория этого исхода. Опубликованный Международным комитетом спасения (International Rescue Committee) недавний доклад «Беспорядки по плану: чрезвычайная ситуация в США и реальный кризис в Центральной Америке», проливает свет на причины, приведшие к миграции. В отчёте говорится, что состояние беженцев из Сальвадора, прибывших в США, характеризуется серьёзным уровнем психосоциального стресса, который накапливался на протяжении поколений, поскольку семьи пережили десятилетия гражданской войны, государственного насилия, бедности, стихийных бедствий и, совсем недавно, повсеместное и тотальное насилие со стороны преступных группировок. Аналогичный случай представляет Гватемала с 36-летней историей гражданской войны (с 1960 по 1996 г.), во время которой погибло около двухсот тысяч человек, в основном потомков коренных народов. Для Гондураса переломными моментами стали высокий уровень коррупции, государственный переворот 2009 года, нищета и жестокое насилие со стороны банд, что вынуждает тысячи жителей покинуть свою страну. При таких обстоятельствах жизнь стала невыносимо опасной и бедной для миллионов жителей Центральной Америки.

11 ноября первая группа каравана численностью 300 человек прибыла в Тихуану. Согласно отчету *Colegio de la Frontera Norte* [Северного пограничного колледжа] (далее COLEF), исследовательского института, расположенного в Тихуане, по некоторым оценкам около 6000 человек остались в спортивном комплексе, который был предоставлен муниципальным правительством. В отчёте, опубликованном 13 декабря, COLEF привёл пять возможных сценариев развития событий для тех центральноамериканцев, которые всё ещё находятся в Тихуане: (1) искать убежище в США; (2) подать заявление на получение статуса беженца в Мексике; (3) остаться в Тихуане и найти работу; (4) пройти добровольную или принудительную репатриацию в страны происхождения; и (5) тайно пересечь границу США и Мексики. К этому списку я добавлю шестой сценарий – переезд в другой город на границе США и Мексики. Последний упомянутый вариант был выбран Лусией и Эктором. Второй раз я видела Лусию и Эктора в Тихуане в конце ноября 2018 года, за несколько недель до того, как они покинули Тихуану и отправились в Рейносу (Тамаулипас).

Им предстоял путь длиной в 1112 миль в один из самых опасных пограничных городов в Мексике в надежде, как они сами сказали, найти там работу.

Из истории каравана мигрантов 2018 года можно извлечь несколько уроков. Во-первых, как стратегия мобильности караван имел двойственный характер, с одной стороны, он продемонстрировал эксплицитность миграции тысяч центральноамериканцев, пересекающих мексиканскую территорию. С другой – невидимость этих мигрантов, когда они оказались в бедственном положении на границе США и Мексики. Во-вторых, хотя коллективная мобилизация людей, присоединившихся к каравану, была одним из ключевых факторов, который помог им добраться до границы, сегодня она закончена и люди разошлись по Тихуане и другим пограничным городам Мексики в поисках средств к существованию. Участники каравана оказались, таким образом, в крайне уязвимом положении. В-третьих, этот караван продемонстрировал миру миграционный кризис, который существует в регионе Центральной Америки. По некоторым оценкам число мигрантов из Центральной Америки, прибывающих на границу США и Мексики, к концу 2019 года может достичь одного миллиона. В-четвёртых, в результате миграционного кризиса в Центральной Америке правительство Мексики сталкивается со сложным бедственным положением. На южной границе Мексики нет инфраструктуры, чтобы заботиться о тысячах мигрантов – центральноамериканцев, африканцев, кубинцев, гаитянок и других трансконтинентальных мигрантах, которые находятся там в ожидании продолжения своего пути к северной границе. Между тем, на северной границе Мексики приюты для мигрантов переполнены прибывающими и ожидающими переезда в США людьми, ищущими убежища или, в худшем случае, стремящимися нелегально проникнуть на территорию США. И наконец, сегодня тысячи мигрантов из Центральной Америки сталкиваются с неопределенностью и переживают уязвимость как в Мексике, так и в США. Во многих случаях они выживают благодаря сочувствию, солидарности и состраданию отдельных лиц и организаций гражданского общества, которые поддерживают и помогают таким людям, как Лусия и Эктор, в их поисках лучшей жизни. ■

Адрес для связи: Вероника Монтеc <vmontes@brynmawr.edu>

> Буффало, штат Нью-Йорк: хорошая практика переселения беженцев

Айшегюль Балта Эзген. Центр исследования этничности, расы и эмиграции. Университет Пенсильвании (США) и член ИК МСА по социологии миграций (ИКЗ1)

Топ-14 стран исхода мигрантов и беженцев в округе Эри (США), 2008–2016

Страна исхода	Количество (2008–2016)
Афганистан	140
Бурунди	79
Бутан	1 888
Демократическая Республика Конго	958
Ирак	1 322
Иран	54
Конго	56
Куба	96
Мьянма	4 057
Сирия	280
Сомали	1 851
Судан	176
Эритрея	321
Эфиопия	77

Отчет Буффало, февраль 2018 г. Партнерство во имя общего блага (Partnership for the Public Good, PPG).

После принятия Закона о беженцах в 1980 г. в США сформировалась хорошо работающая система переселения беженцев. Департамент национальной безопасности и Государственный департамент взяли на себя ответственности за прием беженцев, а Комитет переселения беженцев при Департаменте здоровья и гуманитарных сервисов координирует обеспечение медуслугами после их прибытия совместно с девятью волонтерскими организациями. До тех пор пока президент Трамп не начал сокращать приток беженцев в последние два года, США являлась страной принимающей наибольшее число беженцев в мире, принимая около 90 000 ежегодно. Беженцы принимаются постоянно и имеют большие шансы быстрого получения гражданства. В отличие от других категорий эмигрантов по прибытии они немедленно получают право на денежную и медицинскую помощь и доступ к другим формам государственной поддержки.

> Почему средние и малые города?

Девять волонтерских организаций заключили соглашение с Госдепартаментом. Их представители часто привлекаются

к исследованию и обслуживанию каждого случая прибытия беженцев. Они рассматривают такие факторы, как наличие семьи в США, необходимость помощи переводчика, место проживания, необходимость обучения на курсах английского языка, доступность служб занятости, и принимают решение о том, куда поселить каждого беженца. Хотя крупные метрополии, такие как Нью-Йорк и Лос-Анжелес являются типичными центрами оседания мигрантов, в последнее время предпочтение все больше отдается малым и средним городам. Малые города дешевле для проживания, в них есть доступное жилье, и многие из них заинтересованы в притоке населения по экономическим причинам.

Город Буффало в штате Нью-Йорк – это средний город, где с 2006 года постоянно наблюдается приток беженцев. Хотя в первые годы процесс переселения вызывал проблемы на местном уровне, в настоящее время Буффало представляет собой пример успешной практики в этом отношении. Деиндустриализация, экономическая глобализация и автоматизация производства привели к тому, что Буффало, Цинциннати, Кливленд, Дейтон, Питтсбург и Сан-Луис находятся в экономическом упадке и испытывают отток населения. С 1950-х годов население Буффало уменьшилось наполовину, его население составляет 256 000 человек, а уровень бедности достигает 30,9% на июль 2018 года. Округ Ниагарского водопада является восьмой территорией страны по уровню расовой сегрегации и здесь зафиксирован очень высокий показатель экономического неравенства между городом и областью. Как и многие другие города так называемого «Ржавого пояса», Буффало переживает процесс репопуляции, в основном, благодаря иммигрантам и беженцам. Без прироста численности жителей, рожденных в других странах, население Буффало между 2000 и 2014 гг. сократилось бы на 4,7%, а не на 3,3%, как в настоящее время.

За период с 2002 года более 15 000 беженцев переселились в Буффало. Однако на самом деле число беженцев превышает эту цифру, благодаря вторичной миграции: беженцы, первоначально поселившиеся в других городах, позднее переехали в Буффало, привлеченные сюда доступным жильем и развитыми сетями поддержки местного сообщества. Основные страны – поставщики беженцев – это Бирма, Сомали, Бутан, Ирак и Демократическая Республика Конго. Мигранты и беженцы поселяются в основном в западной части города, где доля населения, родившегося в других странах, достигла 16% в 2017 году.

> Кто организатор?

Четыре организации, занимающиеся переселенцами в Буффало, – это «Католическая благотворительность», Еврейская община, Служба для беженцев «Конец путешествия», и Международный институт Буффало. Все они отвечают за прием беженцев и их расселение в первые три месяца

пребывания в США. Сотрудники офисов находят жилье и обустривают его до прибытия беженцев, встречают их в аэропорту, подключают их к пользованию коммунальными услугами, подписывают на социальную помощь, обеспечивают страховкой, устраивают детей в школы, открывают банковский счет, записывают на прием врача и обучают их пользованию общественным транспортом.

Они организуют курсы обучения английскому языку для беженцев, ищут возможности трудоустройства, обеспечивают услугами переводчиков и юридическими консультациями. Однако службы переселения не получают существенной поддержки от правительства для предоставления услуг сроком более 90 дней и от беженцев ожидается, что после истечение этого времени они полностью перейдут на самообеспечение.

Эти четыре службы помощи беженцам не являются единственными акторами, которые работают с беженцами в Буффало. В городе создается дружественная среда для новых поселенцев. Ее создают многие НКО, собственные организации беженцев – этнические, религиозные, комитеты мэрии, школы, университеты и местные медиа. Они специализируются в различных сферах деятельности, сотрудничают друг с другом и направляют клиентов в те сервисы, которые могут их обслужить на более высоком уровне. Эффективное взаимодействие всех стейкхолдеров позволяет Буффало стать успешным примером переселенчества.

Беженцы – это не просто люди, у которых есть потребности, которые нужно удовлетворить. После того, как они приспособятся к жизни города, они вносят существенный вклад в свои сообщества. Они способствуют репопуляции пустовавших до тех пор кварталов и школ, покупают жилье и приводят его в порядок, основывают новый бизнес, обеспечивают приток трудовых ресурсов и платят налоги. Так же, как и во многих других возрождающихся городах «Ржавого пояса», городские власти и местные СМИ воспроизводят нарратив о позитивном вкладе беженцев в обновление Буффало. Конечно, беженцы сами по себе не смогли бы спасти этот город. Наблюдается рост инвестиций в проекты развития территории. К таковым относят проекты, связанные с водопадом, консорциум университета-больницы и другие программы развития городской среды и жилья. Однако именно беженцам отдают должное за их вклад в стабилизацию экономики и развитие территории, особенно в западной части города. Эта часть города стала пространством возрастающего разнообразия и мультикультурализма. Здесь экономическое возрождение обеспечивается местным малым бизнесом и предпринимательством. Таким образом, города «Ржавого пояса» конкурируют друг с другом за привлечение беженцев.

> Каковы проблемы процесса переселения?

Несмотря на сотрудничество различных акторов, которые стремятся удовлетворить потребности беженцев и ревитализировать город, которое получило в Буффало название «Ренессанс с помощью беженцев», процесс интеграции сталкивается с серьезными проблемами. Эти проблемы носят структурный характер и проявляются на национальном и локальном уровнях. Во-первых, центры помощи беженцев получают бюджетное финансирование на поддержку мигрантов в течение первых 90 дней прибытия. При этом ожидается, что через три месяца новые

поселенцы станут самодостаточными. Однако эти ожидания мы считаем нереалистичными. На сегодняшний день предполагается, что приток беженцев в США снизится с 30 000 в прошлом году до 18 000 – в этом. Это приведет к сокращению бюджета на помощь переселенцам. В прошлом году агентства социальной помощи переселенцам, которые занимаются поиском финансирования, собрали в штате Нью-Йорк 2 млн долларов на свою деятельность, однако, будущее этих программ остается неизвестным.

Городские власти Буффало, таким образом, сталкиваются с сокращением потока беженцев и урезанием финансирования на их поддержку. В связи с этим они осознают, что экономический рост Буффало находится под угрозой. Во-вторых, некоторые сирийские беженцы, которых я интервьюировал в Буффало, выражали опасение и тревогу в связи с возможной перспективой депортации после запретов на передвижение, подписанных президентом Трампом. Хотя они подчеркивали, что не чувствуют негативного отношения со стороны местных жителей, исламофобия и антибеженская риторика в национальных новостных каналах приводят к формированию чувства отчуждения. Чувствуя, что их рассматривают как нежелательных пришельцев, беженцы в меньшей степени стремятся интегрироваться.

На локальном уровне проблемы более разнообразны. Буффало является крайне сегрегированным городом, и обычно службы поселяют беженцев в его западной части. При этом их места работы (мойщики посуды, уборщики, повара, упаковщики, сборщики, сортировщики и транспортников материалов) находятся совсем не в этой части города. До тех пор, пока они не могут себе позволить себе приобретение автомобиля, переселенцы зависят от общественного транспорта, который не слишком хорошо работает и не является супернадёжным. Объем денежной помощи, которую беженцы получают от государства, не достаточен для жизнеобеспечения, и потому они часто работают на нескольких работах в режиме частичной занятости с плавающим режимом рабочего времени, что препятствует их обучению на курсах английского языка в обычные часы их работы. Для большинства семей переселенцев детские сады недоступны, и если они не могут воспользоваться помощью других членов семьи, женщины с маленькими детьми остаются дома, что также препятствует их социально-экономической интеграции. И, наконец, многие представители местных властей отмечают, что местные жители Буффало немного знают о беженцах. Поскольку интеграция является двусторонним процессом, недостаточно, чтобы только беженцы узнавали о том, что такое американский образ жизни. Для успешной адаптации нужно, чтобы местные жители тоже знали больше о тех, кто к ним приезжает на постоянное проживание.

Переселение не только предлагает долгосрочные решения проблемы небольшого меньшинства уязвимых беженцев во всем мире, оно также обогащает и помогает городам-призракам. Штат Нью-Йорк является третьим по числу принятых беженцев в США, а переселенцы Буффало составляют наибольший процент в штате. Город Буффало аккумулировал лучший опыт интеграции беженцев за последние 10–15 лет и является примером для многих других городов США. ■

Адрес для связи: Айшеполь Балта Эзген <vmontes@brynmawr.edu>